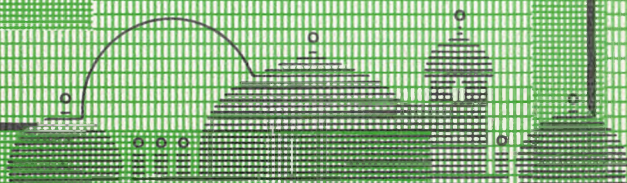

**МУСУЛЬМАНСКАЯ ПЕЧАТЬ
РОССИИ**

Society for Central Asian Studies

Reprint series №12

**THE MUSLIM PRESS IN RUSSIA
IN 1910**

Oxford

ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

**МУСУЛЬМАНСКАЯ ПЕЧАТЬ РОССИИ
В 1910 ГОДУ**

Составлено по распоряжению г. Начальника Главного
Управления по делам печати под редакцией
Владимира Гольмстрем.

Оксфорд

© The Society for Central Asian Studies
P.O. Box 131, Oxford OX1 2NJ, England
1987

THE MUSLIM PRESS IN RUSSIA BEFORE THE REVOLUTION

«To restore the greatness of a nation», wrote the Crimean reformer Ismail bey Gasprali in 1883, «the national periodical press must play a central rôle». But with a few minor exceptions, the Muslim Turks of the Russian Empire,* inheritors of a glorious imperial tradition and of a brilliant culture, were denied the right to have their own periodical press until 1883. In this field at least, Russian Muslims were lagging behind all other Muslim nations. The first Arabic periodical, *Al-Waqa'i al-Misriya*, was published in Cairo as early as 1828, and the first Turkish newspaper, *Takvim-i Vakai*, appeared in Istanbul in 1832. Periodicals in Arabic appeared in Algeria in 1847 and in Tunis in 1861. Periodical press in Urdu began in India in 1869 (*Tahzib-i Akhlaq* in Aligarh). In 1892, there were already some forty Arabic periodicals in Egypt. According to the *Revue du Monde Musulman* (vol. 8, p. 97 passim) in 1908 more than 474 periodicals were published in the Ottoman Empire in all languages: Turkish, Arabic, Armenian, Greek and Ladino.

While the periodical press was undergoing such spectacular development in all the territories of the *Dar ul-Islam*, the authorities in Russia were opposing any attempt by the Tatar, Caucasian or Crimean intellectuals to create a national press in Muslim languages. Until the birth of the *Terjüman* in 1883, only a few short-lived Muslim periodicals had been permitted in

* In 1897, there were around 16,500,000 Muslims in Russia, including some 2,500,000 inhabitants of the protected States of Bukhara and Khiva, for a total population of 125,000,000. Out of this number, 14 million were Turks.

Russia. The oldest was *Turkestan Vilayetining Gazeti* (Russian title: *Turkestanskaia Tuzemnaia Gazeta*) which appeared in Tashkent in January 1870. It was a weekly bilingual paper in Uzbek and Kirghiz (Kazakh) with a parallel Russian translation. However, it is hardly possible to call that paper a «native» and even less a «Muslim» periodical. It was merely a supplement to *Turkestanskie Vedomosti*, the official organ of the Russian Administration of the Turkestan General Governorate. From 1883 on, its chief editor was the orthodox missionary orientalist, Nicolas Ostroumov. This journal played no rôle in the cultural life of Turkestan. It survived until the 1917 Revolution.

In 1875, *Ekinchi* («The Labourer») a newspaper in «Türki» (Azeri), appeared in Baku. It was edited by Hasan bey Melikov Zerdabi (1837-1907), one of the first and the most distinguished Caucasian modernist *prosvetiteli* (educators). Despite its limited print run (800 to 900 copies), *Ekinchi* exercised a deep and longlasting influence on the cultural development of Muslim Transcaucasia because of its high quality. It was a liberal organ influenced by the Russian *narodnichestvo* (populists), pro-Ottoman and cautiously critical of the Russian administration and of the Shia clergy. In 1877 a major uprising broke out in Daghestan. It was crushed with extreme severity. Very gallantly *Ekinchi* defended the rebellious Mountaineers and was therefore closed by the authorities. Melikov Zerdabi was deported to Sevastopol⁷.

Another short-lived Azeri newspaper appeared in Transcaucasia before 1883: *Ziya* («Dawn»), published in Tiflis by the brothers Unsi Zade. It was a scholarly and moderately conservative organ. 76 issues were published all together. In December 1880, it changed its name to *Ziya-i Kafkasiya*, and was produced first in Tiflis (97 issues), then in Shemakha (11 issues). In 1884 it was replaced in Tiflis by *Keshkül* («Dervish's Purse») with the same editors. All these periodicals had a limited circulation (500 copies for *Keshkül*) and had no real impact on the cultural life of the Caucasus.

Outside these little known and short-lived publications there were no periodical organs in Russian Islam. The Russian authorities were particularly suspicious of political movements among the Tatars and no Tatar periodical was allowed in the Middle Volga area until the proclamation of the Manifesto of 17 October 1905.

The history of the Muslim periodical press in Russia began a new chapter on 10 April 1883 when the Crimean Ismail bey Gaspraly – the father of Russian Jadidism – launched his famous *Terjüman-Perevodchik*, in Baghchesaray (See Society for the Central Asian Studies, Reprint Series n° 6, *Ismail bey Gasprinski. Russian Islam*). *Terjüman* was published until 1918, maintaining the highest literary and scientific standards during all its exceptionally long life. The immense influence of this newspaper on the cultural and political life of Russian Islam and even of the *Dar ul-Islam* as a whole cannot be underestimated. «*The Terjüman*», wrote a Crimean historian, Osman Aqchoqraqly, «was our national treasure, our literature, our national culture ... our recent history and our museum and academy...» (O. Aqchoqraqly, «*Milli hazinemiz*», *Terjüman*, n° 202, 1915). *Terjüman* had thousands of subscribers in the Tsarist Empire, Turkey, Iran and as far as India and the Maghreb. From a political standpoint, Ismail bey Gaspraly was a moderate liberal and a monarchist, and as such he was personally considered as «reliable» by the local Russian authorities of the Tavrída *gubernia*. But the relative liberalism of the censorship in the Crimea and in Transcaucasia was not extended to the Volga area. Only four other Muslim periodicals appeared between 1883 and 1905, and none of them were published in the Volga area:

– In 1899, *Dala Vilayeti* («The Steppe Region») was published in Omsk. A Kazakh supplement to the Russian newspaper *Kirgizskaia Stepnaia Gazeta*, edited by the orientalist Grigor'ev, the historian Veliaminov Zernov, the missionary Nicolas Il'minski and two Kazakh noblemen, Ishmohammed Suyukoğlu Ab-

laykhanov and Dinmohammed Ghazioglu Valikhanov, its chief editor was the poet Mashur Yusuf (Zhusup) Köpëev (Köpëy og-lu) (1860-1931). *Dala Vilayeti* survived until 1912. It counted among its contributors some of the most distinguished Kazakh thinkers: Abay Kunbaev, Ibray Altynsaryn, who advocated a pro-Russian cultural strategy, and also future leaders of the National Alash Orda Party, such as Ali Khan Bukeykhanov (biography in Reprint Series n° 5, *Kazakhs on Russians Before 1917*).

– *Mirat* («Mirror»), half Arabic, half Tatar journal of irregular periodicity, published in St Petersburg by a Siberian Tatar *jadid*, Abdurrashid Ibragimov (biography in Reprint Series n° 11). It was a radical *jadid* publication in which Ibragimov expressed his bold pan-Islamist revolutionary ideas. All together 22 issues were published: 18 in 1902-1903, 2 in 1908 and one in 1909.

– *Sharq-i Rus* («Russian Orient»), an Azeri daily published in 1903 and 1904 in Tiflis by Mohammed Aga Shahtinski.

– *Nur* («Light»), the first Tatar newspaper, a bi-weekly published in St Petersburg by the military *akhund* Ataullah Bayazitov. It was a conservative, monarchist paper with an excellent technical presentation but written in a scholarly and difficult language (half Chagatay, half Tatar), and it had a limited circulation. *Nur* enjoyed the protection of the authorities and appeared until 1914.

The proclamation of the October 1905 Manifesto promising freedom of speech, of the press and of assembly brought a spectacular change in the life of the Muslim peoples.

From 1905 on the national reformist movement became a raging torrent that carried along with it all the Muslim nationalities of the Empire and all their elements – from the extreme conservative right wing, loyal to the monarchy and hostile to

jadid reformism, to the extreme revolutionary left, close to Russian populism and even to socialism in its Bolshevik or Menshevik forms. With the reform movement came the sudden birth of a rich and prolific native press which played a very central part in the national awakening of the Turkic peoples of the Russian Empire.

Between April 1905 and February 1917, 166 periodicals appeared in Russia (including two papers in the Emirate of Bukhara) in all «Muslim» languages of the Empire: Azeri (64 titles), Kazan Tatar (62), Uzbek (14), Kazakh (9), Crimean Tatar (7), Ossetian (4), Arabic (2), and Persian (1). Three periodicals were bi-lingual: Persian + Uzbek (2), and Persian + Turkmen (1). However, it must be remembered that «Muslim» languages were not yet completely consolidated. The literary Kazan Tatar especially presented a wide variety of dialectal differences according to the political orientation of the journal. The conservative organs used a scholarly language close to Chagatay with numerous Arabic and Persian words, while the modernists employed a popular language close to the vernacular dialect spoken in Kazan. The same may be said of the literary language used in Turkestan, which varied from the classical Chagatay to the spoken Uzbek. All the Muslim languages used the Arabic script, with the exception of Ossetian, which was transliterated in the Cyrillic alphabet.

Muslim periodicals were published in 26 cities of the Empire: Baku held the first place with 61 titles, followed by Kazan (22 titles), Tashkent (12), Orenburg (11), Astrakhan (10), St Petersburg (7), Baghchesaray (6), Ufa (5), Moscow, Ural'sk, Tomsk, Troitsk, Vladikavkaz (3 each), Elizavetpol' (Genje), Samarkand, Kokand, Bukhara (2 each), Samara, Erevan, Tiflis, Karasubazar, Omsk, Khanskaia Stavka (Bukey Ordasy), Petropavlovsk, Ashkhabad and Temir Khan Shura (one each).

Azeri periodicals had a limited local circulation. All were published in Transcaucasia, 61 in Baku, 2 in Elizavetpol', 1 in Erevan and 1 in Tiflis, and with the exception of *Molla Nasred-*

din were hardly read outside the Caucasus. By contrast, the Tatar press had a very wide circulation and was read not only in the Volga area but by all the Muslims of the Empire. Some of the most influential organs were published outside Kazan, the historical capital of the Tatars. That was especially the case with the two major Tatar periodicals, the newspaper *Vaqt* and the journal *Shura* of Orenburg.

The Crimean press, using the pan-Turkic language devised by Ismail bey Gaspraly for his *Terjüman* (a simplified Crimean Tatar), was located in Baghchesaray and Karasubazar, but the *Terjüman* was read all over Russia and even in the entire Muslim world. Until the Revolution, it was the most widely read and respected of all the Muslim periodicals of Russia.

The press in Uzbek was divided between Tashkent, Samarkand and Kokand. The Kazakh periodicals appeared in St Petersburg (1 title), Orenburg (1), Omsk (1), Tashkent (2), Troitsk (2), Petropavlovsk (1) and Khanskaia Stavka (1).

Until the Revolution, classical Arabic was the only literary language used by the Daghestanis and the Chechens. One Arabic newspaper was published in St Petersburg, *Al-Tilmiz* (1906), for the Caucasian colony in the capital, and one in Temir Khan Shura (today Makhach-Qala), *Jaridat Daghestan* in 1915. The Persian newspaper *Haqaiq* was published in Baku in 1906 for Persian speaking Iranian immigrants. The Ossetian journals appeared in Vladikavkaz (3) and St Petersburg (1). The bi-lingual periodicals were published in Bukhara, *Bukhara-i Sharif* and *Turan* (Persian + Uzbek) both in 1912, and in Ashkhabad in 1905, *Mejmu'a-i Mavaray-i Bakhr-i Khazar* (Persian + Turkmen).

The picture of the immense achievement of Russian Muslims in the field of publication would be incomplete if we do not mention the numerous periodicals edited by Muslims in Russian and those published by them abroad.

In the first group we find, among many others, the following organs:

– *Kaspîi*, one of the most prestigious Muslim dailies, published in Baku between 1881 and 1918 by a group of Azeri liberal intellectuals, financed by the wealthy industrialist Zein ul-Abidin Tagiev. Its chief editor was Ali Mardan bey Topchibashy, the leading figure on the Caucasian political scene. The best Russian and Muslim writers of the Empire figured among its regular contributors. *Kaspîi* was a moderate and cautiously nationalistic and pan-Turkic organ. It was widely read all over the Caucasus. In 1906 its circulation reached 10 000 copies.

– *Musul'manin*, a pan-Islamic bi-monthly journal published in 1908-1911 in Villemomble near Paris by a Cherkess, Mohammed bey Hajetlashe.

– *V Mire Musul'manstva*, a literary pan-Islamic weekly edited in St. Petersburg in 1911-1912 by the same Mohammed bey Hajetlashe.

– *Zar'ia Daghestana*, a weekly literary journal of St. Petersburg, 1911-1913, edited by a Daghestani, Said Gabiev, for the benefit of the North Caucasian colony in the capital.

In the second category, we find several periodicals published in Istanbul in Turkish by Russian political émigrés, or by Turks but with the active participation of émigrés from Russia. The complete list of these periodicals is very long; here are some of the most important:

– *Islam Dünyasi*, bi-monthly, 1911-1912. The chief editor was the Siberian Tatar Abdurrashid Ibragimov. The great Tatar theologian Musa Jarullah Bigi was a regular contributor.

– *Islam Mecmuasi*, bi-monthly religious journal, 1911-1917. The editor was Halim Sabit; Ziya Gök Alp and the Tatar *ulemas* Rizaeddin Fahreddin oğlu and Musa Jarullah Bigi were among its regular contributors.

– *Khalka Dogru*, a weekly pan-Turkic journal, 1911-1914. Among the regular contributors figured the Tatar Yusuf Akçura oğlu, the Azeri Hüsein Zade as well as Ziya Gök Alp and Fuad Körülü.

– *Ta'aref-i Müslimin*, a political and literary weekly, 1908-1909, edited by Abdurrashid Ibragimov and Ahmed Tagedin, a Tatar from Troitsk.

– *Türk Sözü*, a political and literary weekly, 1912-1914.

– *Türk Yurdu*, the most celebrated of all Turkish periodicals published with the participation of Russian Muslims in Istanbul, the main standard-bearer of intellectual pan-Turkism. *Türk Yurdu* was published from 1911 on by some Turks and several émigrés from Russia, including Yusuf Akçura oğlu, Ahmed Aga oğlu, Abdurrashid Ibragimov, Galimjan Idrisi and many other political leaders from the Caucasus and the Volga area.

During the two years following of the October 1905 Manifesto, Russian Muslims enjoyed authentic political and intellectual freedom. The new climate of liberalism was especially spectacular in the field of publication. Censorship was lifted and in 1906-1907 fifty-two Muslim periodicals were published in Russia. The majority were moderate-liberal, expressing the ideology of Tatar jadidism, but there were also right-wing conservative papers (for instance the Tatar *Din ve Magishat* of Orenburg) and also a few leftist and even openly revolutionary organs, including some which propagated socialist ideas. Such were *Koch-Devet* («The Apple»), bilingual Azeri-Armenian, *Te-kamül* («Perfecting») and *Yoldash* («Comrade») published in Baku. All three closely followed the political line of the Transcaucasian Bolsheviks. In the Volga area, *Azat* («Liberty»), *Azat Khalyq* («Free People»), and *Tang Yoldyzy* («Morning Star») pub-

lished in Kazan followed more or less strictly the political line of the Socialist-Revolutionaries, while *Ural* of Orenburg was the only authentic pre-revolutionary Muslim Bolshevik periodical.

The era of political liberalism did not last. Reaction against the tolerance born out of the Revolution of 1905 began in 1908. Severe censorship was re-established and most of the periodicals begun after 1905 were closed by the authorities. In 1908 only five new Tatar and Azeri papers were published. Several discouraged Muslim political leaders left Russia forever and settled in Turkey.

The document which we reproduce here is a report prepared by a group of experts headed by Vladimir Gol'mstrem (Holmstrem) and presented to the Director of the General Department of the Press, Ministry of Interior, published by the Ministry in St. Petersburg in 1911.

To our knowledge, it is the only detailed and accurate analysis of the political trends in the Muslim periodical press before the Revolution. Our document lists for 1910 only 24 periodicals, mainly moderate ones: 11 in Tatar, 1 in Crimean Tatar, 9 in Azeri, 1 in Persian, 1 in Uzbek and 1 bilingual, Persian and Turkmen. Baku held the first place with 9 titles, followed by Kazan (4), Orenburg (3), Astrakhan (2), Baghchesaray (1), Tashkent (1), Tiflis (1), Ashkhabad (1), Samara (1) and St. Petersburg (1), but among them were the four most prestigious pre-revolutionary papers: the *Terjüman* in Baghchesaray, *Shura* and *Vaqt* in Orenburg and *Molla Nasreddin* in Tiflis.

A detailed history of the Muslim press in Russia before and during the Revolution has yet to be written in the West*. It is a fascinating topic and it is the best approach to understanding the *jadid* reformist movement. Current Soviet historiography

* Within the exception of A. Bennigsen and Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La Presse et le Mouvement National chez les Musulmans de Russie avant 1920*, Paris - La Haye, 1964.

tends to present jadidism as a counterrevolutionary, reactionary movement, led by intellectuals of aristocratic bourgeois and clerical origins supported by the Tsarist administration, whose aim was to oppose the liberation movement of the native proletariat. The reality is, of course, quite different from this oversimplified picture. Jadidism was a broad, nation-wide phenomenon, certainly led by the Tatar bourgeoisie, but all classes of the native *Umma* participated very actively in its development. It is true that jadidism had a conservative right-wing, but this represented a small minority. The leadership of the movement belonged to progressive liberals and to moderate socialists. The intellectual wealth and the political diversity of the Muslim periodical press reflects all the complexity and the sophistication of the cultural and political life of Russian Islam before the Revolution.

I. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТАТАРСКОЙ ПЕЧАТИ.

Национальное движение и панисламизм.

Главную особенностью произведений печати на татарском языке, как прогрессивного, так и открыто оппозиционного направлений, является их сильно выраженный националистический характер: им отличается даже единственный в татарской печати умеренный орган, еженедельник "Терджиман" ("Переводчик" — в Бахчисарае), придерживающийся в общеполитических вопросах программы союза 17-го октября. Правда, в настоящем своем виде ни повременная пресса, ни книжная печать вообще, не могут служить верными показателями общего настроения мусульманской интеллигенции: условия, в которые поставлена ныне печать, делают невозможным явную пропаганду противогосударственных идей. Однако, если, по сравнению с последним шестилетием, считая с 1905 года, передовая часть татарского общества — насколько это проявляется в прессе — как бы отказалась от своих широких планов достижения национальной автономии, отчасти намеченных на 1-м Всероссийском съезде мусульман, то, вместе с тем, эта интеллигенция не сделала также ни одного шага, чтобы приблизиться к пониманию своих задач, в качестве неразрывной части того государства, в котором она живет и интересы которого она должна была бы, прежде всего, иметь в виду. Отчуждение от России и всего русского красной нитью проходит через всю татарскую литературу, занятую ис-

ключительно интересами местными и узкоплеменными, или же всего мусульманства, как целого, в религиозном и политическом отношениях. Более внимательное рассмотрение тем и вопросов, разрабатывавшихся в татарской печати, убеждает, однако, что изменилась только тактика, а отнюдь не цели, поставляемые себе мусульманскою интеллигенцией. Безрезультатность прежнего стремительного напора на существующее положение вещей и крушение освободительных планов заставило татарскую интеллигенцию отдалиться целиком *внутренней* работе, заняться подготовкой *народных масс*: воспитание в национальном духе и в идее единения всего мусульманства, *в качестве политического целого, базирующегося на единстве веры*, а также постепенное культурное переустройство татарского общества должны дать народу лучшее оружие борьбы с русской государственностью и с влиянием окружающей русской среды.

Эта внутренняя работа характеризуется в местной прессе как исключительно культурная, направленная к просвещению, прогрессу и оживлению национального самосознания. Но для правильной оценки ее значения для русской государственности необходимо выяснить руководящие принципы нынешних татарских, или, вернее, мусульманских передовых деятелей и установить связь настоящего движения с событиями последнего пятилетия. Тогда станет ясно, что и за истекший отчетный год мусульманская печать развивалась согласно идее и указаниям турецких панисламистов, воспринятым на третьем съезде Всероссийского Мусульманского Союза (состоявшемся с официального разрешения в августе 1906 года в Нижнем Новгороде, во время ярмарки).

Идея панисламизма получила наиболее яркое обоснование в книге "Толкование 1001 честного предания", которая в 1907 году была выпущена в свет в Петербурге на арабском языке переводчиком и издателем Абдулрашид

Ибрагимовым, редактором прекратившейся газеты "Ульфат"*. Автором этого труда, в котором собраны и истолкованы в панисламистском духе приписываемые Магомету изречения, является (ныне покойный) чиновник турецкой службы Арифбек, получивший хорошее образование в мусульманском духе и большую часть своей службы прошедший при Мухтар-паше, известном генерале турецкой армии в последнюю русско-турецкую войну. Изречения Магомета, как они приведены в этом сборнике, сами по себе не представляют чего-либо особенного. Наибольшего внимания заслуживает их толкование, как в самом тексте книги, так и в *предисловии*, где поясняется значение этого сборника для мусульман вообще и, прежде всего, для турок.

Здесь высказывается мнение, что автор труда "как бы распознал болезнь" мусульман, которая сделала их ослабленными на земле, и извлек из пророческих преданий лекарство против этой болезни (стр. 7, строка 14 – 16). "Мир мусульманский... по истине нуждается в этом сочинении: быть может, Бог помилует нас и возбудит народную массу от беспечности, а избранных – от сна их" (*ibid.*, строк. 17-19 сверху). Высказывается пожелание, "чтобы Бог соизволил пробудить мусульманскую "миллят", нацию (стр. 8, строка 18 сверху) и утверждается, что "мусульмане беспечно не обратили должного внимания на наставления пророка, и на пространстве всего земного шара надели на свои шеи цепи рабства" (стр. 9, стр. 10-11).

Автор толканий осуждает тех "мусульман только по имени" которые не придают значения мудрым словам, исходящим из уст мусульман, хотя бы это были сам пророк или ученые. "Словам же, написанным в русских книгах, сколь бы незначительны они ни были, придают, наоборот,

* Эта книга, отпечатанная в электропечатне того же А.О.Ибрагимова, не была представлена на просмотр ни в один из существующих Комитетов по делам печати в Империи.

важное значение: слова Лермонтова или Наполеона вызывают их удивление”. Ополчаясь против тех вкусивших цивилизации мусульман, которые хотят делать различие “между верой и миром” (т.е. между требованиями духовного и светского характера), автор указывает, что именно такие воззрения приучили европейцев смотреть на свое духовенство с большим презрением и даже повели в некоторых странах к отделению церкви от государства. “Наши комедианты и обезьяны”, говорит он, “стремятся к тому же. Между тем, у нас основа вопроса совсем иная: у мусульман религия не есть нечто мистическое, как у христиан. У нас вера — “миллят” (вера и нация), одно нераздельное целое. Мы не делаем никакого различия между верой и миром”. Это — понятие в устах турецкого чиновника — учение, согласно которому вера у мусульман определяет государственность, т.е. политику, государственное устройство, еще полнее выясняется в дальнейшем изложении идеи автора. Настаивая на различии, ничем не устранимым, между Востоком и Западом, который, “даже если на нем зародится день, все же останется западом, а не востоком”, автор книги требует, чтобы мусульмане остались сами собой, хотя, с другой стороны, именно для сохранения своей “обособленности” они должны перенять у европейцев “все изобретенные ими средства для сохранения политической жизни, все науки, необходимые в гражданском быту” (стр. 14-15).

Объединение ислама и политики наиболее категорически выражено в следующих словах:

“Ислам создан не только в целях укрепления набожности и веры в загробную жизнь, он включает в себя также понятие о цивилизации и мировой политики. На основах ислама получили обеспечение и политические права людей” (стр. 16).*

Не довольствуясь отождествлением ислама с полити-

* Вероятно, об отдельной цивилизации.

кой, турецкий писатель обосновывает на нем, своими своеобразными толкованиями изречения пророка, и современную идею равенства, братства и взаимной любви (хотя из дальнейшего изложения усматривается, что эти принципы выдвигаются автором в целях применения только среди "правоверных" и "собратий по религии"). Он говорит: "Стихи Корана: "воистину наиболее почитен у Бога тот из нас, кто более всех набожен", означают, что между людьми нет различия, и нет такого признака, по которому можно было бы назвать одного человека чиновником, другого мурзою, а третьего пашой. Для уравнивания всех невозможно представить себе закона, выражающегося более определенно, чем этот", т.е. Коран (стр 16). Далее, автор прямо призывает "собратий по религии" разделить наследство отцов между сильными и слабыми поровну, так, чтобы ни один мусульманин ни в чем не нуждался. При таком толковании ислама и Корана вполне уместно заявление покойного турецкого писателя, что он долгое время собирал изречения, которые ему попадались на глаза и *"которые соответствовали нашим делам и правам и нашей политике*, и многие из них внимательно рассматривал".

Что же касается ислама в мировой политике, то это наиболее ясно выражено на стр. 113, при рассмотрении вопроса "о правах ислама". Здесь говорится: "Если один из правовренных огорчен и опечален, то огорчены и опечалены все, подобно тому, как боль опечаленной головы влияет на все тело. Все правовренные суть не что иное, как одно существо (один организм). В исламе нет ни араба, ни татарина, ни башкира, ни мешеряка и т.д. Все мусульмане составляют одну нацию (один народ). *Нужно серьезно вдумываться в значение сего выражения*".

"Если какого-либо мусульманина обижают в Индостане, то *обидчику должны мстить, соединившись, все мусульмане*".

При таком понимании веры, как основы националь-

ного объединения, понятно мнение этого турецкого чиновника, что "ненависть и вражда удаляют с человека веру, как орудие "халике" удаляет шерсть с животных". Обращаясь затем к мусульманам, автор не видит среди "правоверных" единения, согласия и любви, без которых нет и истинно верующих. "Где эта любовь? Где это единение? Боже, в каком положении!" – восклицает он, и затем продолжает: "В конце русско-турецкой войны (в 1294 г. гиждры, т.е. в 1877 г. от Р. Хр.), пользуясь ослабленным положением Турции, европейские государства, подобно воронам, садящимся на мертвечину, налетели со всех сторон и получили каждое свою долю. Даже персияне, считающие себя поклонниками Каабы, и те заняли одно место в области Ван. Вот пример того, как люди, лишь немного разнящиеся от нас вероучением, вместе с поклонниками Креста действуют против веры. Разве это не ужасное положение!" (стр. 186-187).

Вполне последовательно и естественно, что, проповедуя братство и любовь среди "правоверных", турецкий писатель убеждает их деятельно готовиться к борьбе с христианскими державами. "Священное предание гласит: "Учите ваших детей плавать и стрелять, а игрушками для женщин, занимаясь коими они должны проводить время в своих домах, да послужат веретена для прядения ниток". Комментируя эти слова, он говорит: "Если мы хорошенько проникнемся смыслом этих священных изречений, то обезопасим себя от всякого зла, которое могут причинить нам все вообще христианские державы. Если бы мы обучали своих детей свободно владеть оружием, т.е. стрелять из ружей, действовать саблями, и если бы дети всех мусульман были в состоянии в нужное время пустить в ход это оружие, то нас боялись бы государи всего мира. Если бы мы умели плавать по водам, т.е. по морям и рекам, то христиане никогда не презирали бы нас так, как теперь. Для защиты достоинства и чести ислама каждый мусульманин в

отдельности обязан быть сведующим в современных военных науках” (стр. 235-236).

Ссылаясь же на изречение Магомета о необходимости для женщин уметь прясть, а также на его совете: ”когда зовут родители, отвечать раньше матери”, автор книги требует, чтобы дочерям мусульман давалось национальное и религиозное, а не христианское и общеевропейское воспитание, заявляя при этом, что ”причиной падения и гибели государства являются вообще женщины”.

Как указано было раньше, писатель турок откровенно признался в тенденциозном подборе изречений Магомета, соответствующих потребностям, диктуемым ”делами, нравами и политикой”, понятно, турок. В его устах вполне естественно отождествление ислама, мусульманского вероисповедания, с турецкой государственностью, как, с другой стороны, обоснованы и его возражения против отделения мусульманской веры от понятия о национальном и государственном единстве. Но такая проповедь, перенесенная в условия русской жизни, где мусульмане являются подданными христианского государства и должны согласовать свои гражданские, светские обязанности не с исламом — да еще в произвольном толковании, сближающем всех мусульман с Турцией — а с требованиями русской государственности, такое учение является преступлением против нее, равносильно проповеди ”государства в государстве”, отчуждению от России в политическом отношении, т.е. равносильно государственной измене.

Между тем, именно такой принцип национальной обособленности и объединения 20-миллионной мусульманской массы в Империи в единую политическую партию, т.е. идею отчуждения от России не только в религиозном, но и в национальном и политическом отношении, и провозгласил на нижегородском мусульманском съезде переводчик на татарский язык и издатель книги ”Толкование 1001 честного предания”, Абдеррашид Ибрагимов. Являясь главным

деятелем по организации этого съезда, он в пространной речи пред его открытием указал на основную цель съезда: практическое осуществление заповедей Корана и предания *о братстве мусульман* и обязанности их взаимно заботиться и поддерживать друг друга. Мусульмане составляют единое религиозное общество, единую "миллят" (нацию), где все братья друг другу*. На основе этого религиозного единства была выработана на Нижегородском съезде и общая политическая платформа для всех мусульманских племен России: они объединяются в единую 20-миллионную "миллят" — *мусульманскую нацию*, без различия, по-видимому, даже толков и сект (на этом съезде председателем его избран был шиит Топчибашев). Политическая программа мусульманского союза, окончательно выработанная на этом съезде, совпала с программой конституционно-демократической партии, но была дополнена специальными подробностями в националистическом духе. Так, присоединяясь к принципу всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, программа требует, чтобы число депутатов в Гос. Думу от мусульман было пропорционально общему числу мусульманского населения России; та же цель широкой национализации преследуется теми дополнениями, которые сделаны в программе в отношении духовного управления и школьного образования мусульман России.

Работу съезда по вопросам народного образования дополнил состоявшийся в том же 1906 году в Казани съезд мусульманских учителей. Он разработал курс, правила и

* В прошлом году Ибрагимов путешествовал по Японии. в настоящее же время он проживает в Константинополе, где сотрудничает во многих турецких изданиях (преимущественно в "Сиратул-Мустахим"). Насколько сильны его связи, как в Турции, так и в Японии, явствует из того, что турецкое правительство командировало в Японию для изучения японского языка и быта наравне с двумя турками, и сына Ибрагимова, Мунира, который, между прочим, проездом через Харбин, сказал в местной мечети речь на тему об объединении мусульман.

программы мектебов ("ибтидаийя") и низших классов медрес ("рушдия") и напечатал результаты своих трудов к брошюре "Муаллимляра намуня" ("Образец для учителей"). В программу обучения введены были *общеобразовательные предметы*, и в распределении занятий установлен общеевропейский порядок, с сохранением, однако, их религиозно-национального характера. Другими словами, съезд муаллимов одобрил направление практической программы новометодной школы и, лишь за остановкой его деятельности распоряжением местной административной власти, не успел установить окончательно программ для средних классов медресе ("игдадийе") и высших ее классов ("галийе").

Таким образом, на мусульманских съездах в Нижнем Новгороде и в Казани была принята идея панисламизма в ее новейшем виде. Написав на своем знамени принцип объединения вероисповеданного и национального начал, придающий исламу характер *политической доктрины*, отчуждающей мусульман от общерусской – и, вообще, общегосударственной в христианских странах – жизни, а, с другой стороны, объединяющий всех мусульман в мире в одно, связанное общностью целей и стремлений, целое, – русские мусульмане окончательно организовались в партию, с единой программой. В то же время, в соответствии с тем же принципом объединения, главное внимание обращено было на воспитание в национальном духе. В этих видах, в мусульманскую конфессиональную школу (мектебе и медресе) введены были *общеобразовательные предметы*, однако *с сохранением религиозно-национального характера этих школ*. Эта удивительная способность современных мусульман применять учение ислама ко всяким практическим нуждам получила и дальнейшее выражение, в отчетном 1910 году, в попытке рационалистического толкования всех предписаний мусульманской веры*, а также в

* Сочинение Зыяеддина Кемалева: "Первая часть философии ислама. Философия веры" (Уфа).

опыте присвоения исламу гуманитарных черт христианского учения (нашумевшие статьи Мусы Багеева "о милосердии Божьем, согласно учению Корана"). При таких условиях, способствующих объединению под общим знаменем людей самых различных направлений, ислам является просто *символом национализма*, в который каждый вкладывает угодное ему содержание. Насколько при этом шло успешно общее оживление интереса к исламу, видно из того факта, что в минувшем 1910 году Коран в полном его виде и весьма большом количестве экземпляров выдержал в России целых три издания.

Идеей служения "миллят" проникнута была в отчетном году как вся периодическая, так и неповременная мусульманская печать России, и притом с поразительным единством: и "старые" и "новые" руководствуются, в сущности, одной и той же идеей, и раздор между ними зависит от разного понимания мер практического осуществления этой задачи. "Старые" полагают, что беспокойные "новые" слишком легко относятся к вере, необдуманно толкают нацию на всякие новшества и тем вредят вере и нации; новые утверждают, что старые из своекорыстных видов, мешают прогрессу нации. Однако, если полагают добиться цели при помощи новометодных школ, допускающих формирование народной мысли в желательном направлении, то вторые, в тех же видах, зачастую полагаются на старые испытанные средства*.

* Например, имеются сведения, что в некоторых местностях, чтобы не рассеивать сил при воздействии на народ, ишаны воздерживаются от подготовки себе преемников, постановив иметь только одного ишана за раз; стараются также сосредоточить в своих руках назначение имамов. При помощи *панишанизма* полагают объединить местное татарское население, а затем, когда движение в пользу автономии разрастется, пустить в ход панисламизм, т.е. опереться на содействие мусульман всего мира. Высказывается также мысль, что можно добиться автономии ценою гибели 3-4 милл. мусульман, особенно, если в дело вмешаются Япония и Китай.

При этом распространяется *mot d'ordre*: до поры до времени прикидываться друзьями правительства.

”Тюрки” — труды над созданием татарского литературного языка.

Наряду с религией и воспитанием в национальном духе, третьим средством объединения русских татар с прочими мусульманскими народами является общий язык, над формированием которого трудятся татары.

Литературный татарский язык носит у них название ”тюрки”, т.е. тюркский. Своим современным состоянием он обязан мысли, неотступно овладевшей в течение последнего тридцатилетия передовыми деятелями мусульманского мира в России, о составлении особого языка из элементов общих, по возможности, всем тюркским племенам, как в России, так и за границей. Судьба и ход развития этого языка во многом напоминают судьбу литературного русского языка в эпоху XVII и особенно XVIII столетия. Язык ученых киевлян XVII столетия, с преобладанием славянского элемента и примесью слов латинских, польских, греческих, напоминает язык старометодистов; язык времени Петра Великого напоминает ”тюрки” новометодистов. Живая разговорная речь, материнский язык, неудержимо влечет к себе как писателей практического типа, желающих прежде всего быть понятными возможно большему кругу читателей, так и наиболее чутких и даровитых беллетристов и поэтов.

Господствующее положение в мусульманской литературе заняли татары Волжско-Камского края. Язык ”тюрки” в преобладающем числе сочинений все более и более приближается к простонародному языку татар именно указанного района. Уже явилось и распространяется среди мусульман этого края мнение, что в литературном языке слишком много заимствований из других языков, и это является для большинства препятствием к пониманию читаемого. Для очистки языка уже делается ряд усилий. В этом отношении многозначительный факт — появление в 1910 году двух трудов, одного в Уфе, а другого в Казани, из ко-

торых первое ("Люгат", автор Селим Гирей Джантюрин), — есть полный словарь восточных иностранных слов, вошедших в литературно-татарский язык; второй же труд ("Тюрки нахви", А.Г.Максудова) является завершением систематического изложения работ по усовершенствованию и очищению языка тюрки, предпринятого редактором издателем Казанской газеты "Юлдуз". Эти два издания показывают, что идея очищения литературного языка уже обнимает все стороны его: лексикологическую, грамматическую и синтаксическую. Упрощенный "тюрки" постепенно входит, прежде всего, в обиход начальной школы, где в некоторых учебных хрестоматиях он уже называется языком "материнским", он применяется все в большей степени в газетных статьях, повестях, рассказах и проник даже и в область стихотворства.

Южную отраслью языка "тюрки" является язык крымских и закавказских мусульман, в котором замечается тенденция к сохранению возможно большего сходства с османским (турецким) языком. На этом "тюрки" выходит лишь небольшое количество сочинений, и господствующее значение в мусульманской печати России постепенно приобретает "тюрки" Волжско-Камского края.

Область применения "тюрки" расширяется за счет арабского языка. Так "хутьба" (обязательная проповедь во время праздничного богослужения в пятницу) всегда проносилась на арабском языке, причем молящиеся мусульмане, не понимая этой проповеди, часто дремали или думали каждый о своем. В последнее же время некоторые из молодых мулл начали прибегать во время проповеди к татарскому языку. В отчетном году появился целый сборник мусульманских проповедей на языке "тюрки", под названием "Тюрки хутбалар" ("Проповеди на языке тюрки", соч. Муллы Нияза Сулейманова Омского, изд. в Оренбурге). Татарская пресса немедленно оценила по достоинству это явление и усердно рекомендовала издание вниманию приходских мулл России.

В мектебах и отчасти медресах язык "тюрки" все более применяется также и при преподавании религии и религиозного учения о нравственности. Молитвы, тексты Корана, изречения, предания помещаются в учебниках для школ с переводом на татарский язык. Даже классические сочинения средневековых мусульманских авторов переводятся на "тюрки" (пока невысокого достоинства в смысле чистоты и удобопонятности). В отчетном году издан даже арабский текст Корана с вольным переводом его на татарский язык казанского, будто бы, наречия ("Тасгиль ель-баян фи тафсир-ель-Коран", соч. М.С.Иманкулова. Казань 1910 г.). При существовании мусульманского учения для перевода, указанное выше издание является большим торжеством языка "тюрки". Что же касается преподавания *общих* предметов в мусульманской школе, то оно исключительно ведется на языке "тюрки", причем в конце отчетного года было приступлено к ознакомлению учащихся с "тюрки", как с языком изящной литературы, изданием особой учебной хрестоматии ("Мектебда миллий арабиат дарсляри", т.е. "Уроки национальной изящной литературы в мектебе" т. I-й, сост. Абдалла Тукаев, Казань). Эта хрестоматия содержит в себе отрывки из лучших сочинений современных татарских писателей и очевидно рассчитана на большое распространение в мектебах России.

Киргизская литература.

Интересно отметить также новое явление: попытки создания самостоятельной киргизской литературы, хотя еще не настало время дать надлежащую оценку этому явлению. В предшествовавший отчетному 1909 год издания на киргизском языке были героические повести для народного чтения, причем киргизский язык в некоторых изданиях насколько возможно сближался с языком "тюрки" и был близок к полному поглощению последним. Такая же тенденция в общем замечалась и в отчетном 1910

году. Однако, были и знаменательные исключения. В минувшем году были изданы четыре книги на чисто киргизском языке, а именно: "Шурут-ель-саят терджимасе" (Перевод сочинений "Об условиях молитвы", в 10.000 экз.); "Игтикад" ("Изложение вероучения" для детей, в 17.400 экз.), "Казак шақырдларына гадийе" ("Подарок киргизским шакирдам", в 7.800 экз.) и "Казак элифбасе" ("Киргизский букварь", в 3.000 экз.). Факт составления учебников для киргизских мектебов не на языке "тюрки", а на материнском, при сильно выраженном стремлении мусульман России создать общетюркский литературный язык, указывал на начало какого-то нового веяния. Действительно, выяснилось, что среди образованных киргиз появилось стремление создать собственный литературный язык, для употребления в повременной и неповременной печати и в школе. Шакирды (из киргиз) медресе Хусейнийе в г. Уфе, при участии некоторых из младших преподавателей медресе, основали *"общество для изучения киргизского языка"*, причем своей целью поставили: издание памятников народной киргизской словесности, составление учебников для мектебов и книг на киргизском языке, содействие издателям будущих газет на том же языке (в настоящее время уже издаются одна или две газеты на этом языке). Татарская печать сухо приветствовала начинания, а общество киргизских шакирдов со своей стороны заявило, что истинная цель их: обогатить "тюрки" заносом новых чисто тюркских слов, сохранившихся лишь в киргизском языке, и облегчить ученикам мектебов из киргиз переход к занятиям на языке "тюрки". Несколько укрепляя племенное различие между татарами и киргизами, нарождающаяся литература на киргизском языке поведет к более глубокому проникновению в инертную массу киргизского населения, прежде всего, религиозных, а, вместе с тем, и всех прочих идей, которыми живет в настоящее время литература на языке "тюрки".

Пренебрежение к русскому языку

Татарских изданий, в которых встречается и русский текст, чрезвычайно мало. В минувшем году их было всего четыре, а именно 1) "Указатель города Казани, торгово-промышленная адрес-календарная русско-мусульманская книга на 1910-й год" (издана в 1.000 экз.); 2) "Русча дараст яззуу кагдалары" ("Правила русского правописания", в 2.000 экз.); 3) "Самоучитель татарского языка русским и русским татарам" Шагабетдина А.Рахметуллина (в 10.000 экз.); 4) Устав бесплатной библиотеки читальни для мусульман в Ижевском заводе Сарапульского уезда, Вятской губ. (в 200 экз.).

По-видимому, русский язык мало применяется в обычной жизни мусульман России и совершенно не употребляется, даже как предмет преподавания, в мусульманских мектебах и медресах старого и нового направления. Оба упомянутые выше руководства, — "Правила русского правописания" и "Самоучитель", напечатанные в текущем году, носят характер самоучителей, а не учебных, школьных книг, и весьма элементарны и бедны по содержанию. Но, несмотря на скудость даваемых сведений, "Самоучитель" вышел 4-м изданием и, притом в количестве 10.000 экземпляров. Очевидно, практическая нужда в знании русского языка все же чувствуется взрослым татарским населением, но мусульманская школа не откликается на эту потребность и по каким-то своим соображениям оставляет учащихся мусульман без элементарного обучения русскому языку.*

* Муллы, которые по своим взглядам на народное образование не соответствуют целям, поставленным себе деятелями националистической пропаганды, подвергаются преследованиям и даже лишаются занимаемых ими мест. Так в № "Баян-уль-Хака" от 21 ноября в корреспонденции из Читы сообщалось об одном мулле, настаивавшем, чтобы русский язык преподавался детям с самого раннего возраста. Дело кончилось тем, что, вследствие происков местных влиятельных татар, нашедших, что мулла оказывает вредное влияние на молодежь, последний не только лишился содержания, которое получал от прихода, но даже и места.

II. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ТАТАРСКОЙ ПЕЧАТИ.

В минувшем 1910 году в Империи на языках мусульманских народностей России значилось выходящими в свет к 20 декабря, всего 21 повременное издание. В числе их, *ежедневных* или выходящих не менее 5 раз в неделю было семь (в том числе: на татарском языке — четыре, на азербейджанском — два, на сартском — одно):

		Число выпускаемых экземпл.	
в Казани	"Баянкуль-Хак" ("Указатель Истины")	1.400	} татарские
	"Юлдуз" ("Звезда")	2.400	
„ Астрахани	"Идиль" ("Волга")	1.000	} азербейджанские
„ Оренбурге	"Вакт" ("Время")	3.600	
„ Баку	"Сада" ("Голос")	1.500	} сартская
„ „	"Гюнеш" ("Солнце")	2.000	
„ Ташкенте	"Туркестан-Виллятынин-Газеты" ("Туркестанская Туземная Газета")	1.800	
Всего.....		13.700 экз.	

Еженедельных изданий было двенадцать (в том числе: на татарском языке — пять, на крымско-татарском или турецком — одно, на азербейджанском — пять, на персидском — одно):

в Казани	"Казан-Мухбири" ("Казанский Вестник")	.500	}
	"Ялт-Юлт" ("Сверкание")		
	сатир.....	.1200	

		Число выпускаемых экземпл.	
в Астрахани	"Бурхан-Таракки" ("Доказательство Прогресса")	500	} татарские.
„ Оренбурге	"Дин-Уа-Магишет" ("Религия и Жизнь")	800	
„ Петербурге	"Нур" ("Свет")	2500	} крымско-татарское.
„ Бахчисарае	"Терджиман" ("Переводчик")	1500	
„ Тифлисе	"Молла Насретдин" ("Молла Насретдин") сатир.	2500	} азербейджанские.
„ „	"Мезхер" ("Явление")		
„ Баку	"Ени-Феюзат" ("Новое Благо")	1000	
„ „	"Зензур" ("Оса") сатир	1500	
„ „	"Неджат" ("Спасение") новое издание		} персид.
„ Асхабаде	"Мавраи-Бахры-Хызыр" ("Закаспийское обозрение")	2000 -	
Всего		15000	экземпл.

Кроме того, на татарском языке выходят: в Самаре ежемесячное издание "Иктисад" ("Экономия") выпускаемое в количестве 100 экземпляров, а в Оренбурге два раза в месяц "Шура" ("Совет") в количестве 1.500 экз. Следовательно, в 1910 году в Империи выпускалось в свет *ежедневно* в пяти городах всего 13.700 экз. периодических изданий, *еженедельно* — 15.000 экз., причем в числе последних три издания были сатирическими ("Ялт-Юлт", "Молла Насретдин" и "Зензур").

Почти все перечисленные выше издания самого недавнего происхождения. Только "Туркестанская Туземная Газета", областные ведомости на сартском языке, существует с 1875 года, крымская же газета "Терджиман" — с 1883 года. Остальные издательские предприятия возникли не ранее 1905 года.

В 1875 году — 1 издание "Туркестан-Виллятынин-Газеты" (Ташкент).

ло за последние четыре года, то можно констатировать, что темп движения несколько затихает: общее число изданий почти одинаково для 1907 и 1910 годов (22 и 21), но тогда как раньше ежедневных или выходящих до пяти раз в неделю было 12, а еженедельных – 5, теперь ежедневных стало – 7, а еженедельных – 12. В то же время количество "толстых" журналов (выходящих 2 раза в месяц) уменьшилось с трех и четырех до одного.

Что касается направления татарских газет, то его можно определить лишь приблизительно, так как за последнее время редакторы татарских изданий после ряда наложенных на них взысканий стали высказываться более осторожно. Большинство изданий (11) носят беспартийно-прогрессивный, т.е. выраженный определенно, но несомненно оппозиционный характер (в 1907 году их было только 5). Зато в настоящее время нет органов социал-демократической партии и "трудовиков", каковых в 1907 году было 2, а число "кадетских" органов уменьшилось с 6 до 4-х. Большинство беспартийных изданий выходит на Кавказе.

Более выраженный оппозиционный характер, приближающий их к русскому конституционно-демократическому направлению, носят издания в Европейской России: ежедневные "Вакт" ("Время" в Оренбурге) и "Баян-ул-Хак" ("Указатель Истины", в Казани), и еженедельные "Казань-Мухбири" ("Казанский Вестник") и "Бурхан-Таракки" ("Доказательство Прогресса" – в Астрахани). Издания эти придерживаются программы "мусульманского союза", стоящего в связи с "кадетской партией". Такого же направления в вопросах общегосударственной политики придерживается и ежедневная "Юлдуз" ("Звезда" – в Казани), которая, кроме того, носит панисламистский оттенок. Единственный же умеренный орган татарской печати, еженедельный "Терджиман" ("Переводчик" – в Бахчисарае), придерживается в общеполитических вопросах программы союза 17-го октября.

Что же касается монархического, консервативного направления, то оно почти совсем не выражено в татарской печати. Из числа трех представителей этого направления в мусульманской печати, одно — ежедневное официальное издание "Туркестан—Виллятынин-Газеты", выходящее в Ташкенте на сартском языке, имеет исключительно местное значение*. То же следует сказать о другом еженедельном издании на персидском языке "Мавраи-Бахры-Хызырь" ("Закаспийское Обозрение"), которое выходит в Асхабаде, занимается обсуждением исключительно местных нужд и событий в соседней Персии и не имеет распространения за пределами Закаспийской области. Остается, таким образом, лишь еженедельное издание в Петербурге "Нур" ("Свет"), которое выходит очень неаккуратно**. Оно заполняется перепечатками из "Нового Времени" и дает отчеты о заседаниях Государственной Думы; во время же перерыва сессий выходит зачастую в размере полулиста газетной бумаги.

Органом правоверного, старозаветного мусульманства, с сильно выраженными панисламистскими тенденциями, борющимися против всяких нововведений, является лишь еженедельный журнал "Динь-Уа-Манишет" ("Религия и Жизнь"), выходящий в Оренбурге всего в количестве 800 экземпляров.

Более дисциплинированный характер татарской печати отразился и на числе наложенных на нее взысканий: в минувшем 1910 году прекращено было в административном порядке лишь одно издание "Хихакет" (в Баку); кроме того, одна газета, "Бурхан-Таракки" (в Астрахани), привлечена была к судебной ответственности по ст. 281

* В Ташкенте в 1907 году было 3, а в 1908 — 4 повременных издания.

** В 1907 г. в Петербурге было 5 татарских изданий, но уже в следующем году это число упало до одного.

Улож. о нак., по прод. 1906 г. Всего же за истекшие четыре года (с 1907 г.), по распоряжению администрации прекращено было 10 изданий, по собственному желанию издателей прекратилось 22 издания; привлечение же к судебной ответственности, бывшее наиболее частым в 1907 году (всего 38 случаев), в последующие годы применено было: 2 раза – в 1908 г. и 1 раз – в 1909 году.

Характеристика татарских изданий со стороны их содержания.

Переходя к характеристике татарских изданий со стороны их содержания, необходимо отметить, что впереди всех по самостоятельности своих взглядов стоят газеты: крымская "Терджиман" и оренбургская "Вакт". Первая, существующая с 1883 года, отличается умеренностью своих воззрений и, будучи вообще заметным органом инородческой прессы, стоит по своему направлению одиноко среди мусульманской печати, выпускаемая всего 1.500 ежедневных экземпляров издания, тогда как близкая к "кадетской" партии оренбургская "Вакт" выходит в 3.600 экз., а придерживающаяся того же направления казанская "Юлдуз" выпускает ежедневно 2.400 экземпляров.

Газета "Терджиман" (Бахчисарай).

Согласно заявлению самой редакции, "Терджиман" был основан для служения просвещению и культурному развитию мусульман Российской Империи. "Ради этой цели, мы – говорила редакция – неизменно стояли и будем стоять, с одной стороны – за распространение русской современной науки, с другой – за постепенную реформу мусульманских школ и духовных учреждений, так тесно связанных с бытом народа".

О ревизии духовных собраний мусульман. Придерживаясь этой точки зрения, "Терджиман" должен был отнестись благоприятно к известию о назначении ревизии Уфимского духовного собрания. Сообщая об этом читателям, газета спешила заявить, что мусульмане останутся очень благодарны за принятые властями меры, особенно, если ревизия будет распространена и на другие духовные правления мусульман. Газета надеялась, что ревизией г. Платонникова будет установлена необходимость преобразовать эти допотопные учреждения, причем, по мнению газеты, будет выяснено, что культурно-просветительное движение среди мусульман не имеет никакой политической окраски. Добытые ревизорами данные покажут мусульманский мир в его истинном свете, тогда как до сих пор его знали только по доносам, по отчетам миссионеров, или, наконец, по докладам чиновников, не знающих ни татар, ни их жизни.

**Школьное дело.
Вопрос об его
реформах.**

Что же касается поручения ревизорам ознакомиться с нынешними мусульманскими школами, то "Терджиман" был твердо уверен, что и здесь ревизоры не найдут ничего противозаконного. Уверения "Нового Времени" о том, что в мусульманских школах преподается турецкий язык, история и география Турции, а также распространены турецкие учебники константинопольского издания, по заявлению газеты, ложны: турецкому языку в мусульманских школах не учат, о Турции же детям даются понятия общего географическо-исторического характера. Все учебники напечатаны и составлены в России, а многие из них представляют собой дословные переводы с таких же русских учебников. Правда, было время, когда из-за недостатка своей учебной литературы татарам приходилось прибегать к помощи турецких книг, но теперь, когда педагогический отдел татарской литературы развит, такие явления не повторяются.

Обсуждая далее связанные с ревизией вопросы, "Терджиман" надеялся, что она установит также отсутствие чего-либо вредного в стремлении мусульман к школьной реформе. "Явление это жизненное, отрадное и заслуживает, чтобы правительство облегчило подобные стремления и дало возможность их дальнейшему развитию. Пора посмотреть на мусульман России через гражданские, а не через миссионерские очки, и результатом будет улучшение быта мусульманского духовенства и расширение прав конфессиональной школы".

Школа, данная мусульманам в 70-х годах по плану Д. Толстого, Победоносцева и Ильминского, по мнению газеты, не отвечала потребностям мусульман. Она за 40 лет поглотила 40 милл. рублей и не принесла никакой пользы. Неестественно поставленная, эта школа была встречена холодным равнодушием со стороны населения. Мусульманам нужна другая школа, и о том, какова она должна быть, единодушно высказываются мусульманская пресса и отдельные группы мусульман в целом ряде ходатайств и пожеланий. Требования, предъявленные мусульманами к школьному законопроекту, заключаются в том, что он должен обеспечить:

- 1) основательное преподавание русского языка;
- 2) религиозно-нравственное воспитание в требуемой мере, и
- 3) преподавание предметов на родном языке, как того требует правильная с педагогической точки зрения постановка дела. При этом программа и учебники новой школы должны быть те же, что и в русских начальных училищах.

"Такая школа, – говорил "Терджиман", – оставаясь государственной, будет в то же время родной для нас и внесет свет русской культуры и просвещения в народные глубины. Такая школа не вызовет никаких возражений, напротив, привлечет народные симпатии и поможет отыскать средства на дело просвещения".

Газета была не высокого мнения о степени просвещения среди мулл. Так, сообщая о конкурсном экзамене в Уфимском духовном собрании, "Терджиман" заявлял, что едва ли сами члены духовного собрания, экзаменовавшие кандидата на муллу, могли бы ответить на вопросы, предложенные ревизором экзаменуемому. Правда, вопросы эти самые обыденные, простые, но подготовка на мулл стоит ниже всякой критики, отчего и невежественность экзаменаторов становится вполне понятной.

О неравноправном положении мусульман.

Указывая отрицательные стороны татарской жизни, "Терджиман" обсуждает и вопросы об общем положении мусульман в России. Находя, что равноправия мусульман с другими народностями не существует, газета обосновывает свое мнение следующим образом.

"Целые века мусульмане считаются подданными России и целыми веками покорно примирялись с этим положением. Однако эта покорность не считается достаточным основанием для уравнивания всех прав с правами других народностей. Правда, вся Россия чувствует на себе давление реакции, но для мусульман существуют особые стеснения, выражающиеся в целом ряде запрещений, отказов, ограничений. Мусульмане (киргизы, туркмены) в своей массе лишены представительства в Государственной Думе; право участия в местном самоуправлении для мусульман ограничено. Желание многих татарских селений открыть у себя, за свой счет, мужские и женские училища остается неудовлетворенным. Наши школы не пользуются никакой правительственной субсидией, хотя мусульмане являются такими же, как и остальное население, плательщиками общегосударственных и земских налогов".

Не так давно постройка мусульманской мечети в Петербурге всячески тормозилась. В Уфе дом имени А.С. Аксакова не позволяли строить в мавританском стиле.

”Терджиман” по этому поводу высказывает недоумение: ”Видят ли русские в мусульманах — сынов родной земли, или же иностранцев? Все эти мелкие, но грустные факты несправедливости вполне естественно обостряют чувство недовольства татарской массы и заставляют ее отнестись к русским и их начинаниям с понятным недоверием”.

Полемика с
русскими газе-
тами.

Ввиду такого, по его мнению, тяжелого положения мусульман, ”Терджиман” с негодованием отвергал заявления русской печати ”о татарском засилье”. Газета протестовала против корреспонденции из Казани, помещенной в ”Новом Времени”, где указывалось на захват татарами мест городских гласных и на деятельное участие их в городском самоуправлении. Столь же непонятна, по мнению газеты, жалоба ”Нового Времени” в корреспонденции из Туркестана на быстрое распространение в крае медресе, которых в настоящее время насчитывается до 15.000, с числом учеников около 100.000.

В ответ на указание корреспондента о недостатке школьного надзора, ”Терджиман” заявлял, что обязанность наблюдения за школами лежит всецело на администрации, которая получает на это так называемые ”вакуфные деньги”. Мусульмане же равно ничего не имеют против наблюдения, так как в их желании учиться нет ничего противозаконного. Что же касается сильного распространения мусульманских школ, то подобная деятельность мусульман, по мнению газеты, заслуживает только поощрения. Если во многих селениях завелись школы, приобретена масса учебных пособий, введен новый метод преподавания, то этим сделано только то, что обязано было сделать правительство. За все это можно только благодарить.

”Терджиман” считал также нужным протестовать против сообщения газеты ”Россия”, что среди закавказских

мусульман замечается сепаратистское движение, деятели которого работают солидарно с младотурками.

Стремясь к всестороннему развитию и приобщению мусульманского населения к другим культурным народам, "Терджиман" в начале 1910 года выступил с проектом устройства татарских экскурсий в западные страны, в качестве общеобразовательного средства. Между прочим, он предлагал татарам-коммерсантам организовать экскурсию в Западную Европу, с целью ознакомления с торговым делом на Западе. Хотя желающие принять участие в такой поездке и оказались, но, в конце концов, из затеи ничего не вышло, и толки об экскурсии заглохли.

Руководясь той же заботой о культурном подъеме среди мусульман России, "Терджиман", сообщая о предложении персидским правительством важного поста в министерстве юстиции бывшему члену Государственной Думы, проживающему в Баку Топчибашеву*, высказывал сожаление об его уходе. "Топчибашев, — говорила газета, — принесет на новом посту большую пользу, но таких людей мусульмане России считают единицами, и сами нуждаются в их опыте, энергии и знаниях".

Посещение России Хильми-пашой Много внимания уделил "Терджиман" приезду в Россию Хильми-паши. Мусульманская пресса вообще приветствовала в Хильми-паше, прежде всего, европейского дипломата с широкими, ясными взглядами на будущее. Хотя этот энергичный участник турецкого переворота и первый великий везир со времени революции сошел со сцены, он все же не стоит в стороне от политики, и поэтому его поездка имела большое значение. Сообщая о посещении Хильми-пашей центров мусульманской жизни, "Терджиман" говорил приблизительно следующее:

* Председателю на 3-м мусульманском съезде в Нижнем Новгороде.

До сих пор ни один турецкий посол не вступал в сношения с мусульманами России. Хильми-паша — первый турецкий сановник, которого они видели и чествовали, оказав ему радушный прием. После петербургской встречи, Хильми-паша проехал в Москву, где ему в доме Байбекова был дан банкет. Здесь собравшимися было предложено Хильми-паше ответить, между прочим, на вопросы, всего более волнующие и разделяющие мусульман в настоящее время:

- 1) по какому методу, новому или старому, нужно учить в школах?
- 2) следует ли в мектебе вводить светские науки?

В своих ответах турецкий государственный муж показал себя большим дипломатом, стремящимся лишь объединить своих соплеменников. На первый вопрос паша ответил уклончиво, что "старый метод" не так давно считался новым, а "новый", в свою очередь, завтра же, может быть признан устаревшим, поэтому должно учить по тому методу, который лучше. На второй вопрос он дал положительный ответ: *необходимо преподавать в начальной школе светские науки*. В Турции этот вопрос не чувствуется так остро, так как турецкое духовенство никогда не восставало и не восстает против введения в программу начальной мусульманской школы преподавания светских предметов. К сожалению, этого нельзя сказать про мусульманское духовенство России.

Столь же открыто высказался турецкий политик и по вопросу о том, что нужно сначала: мечеть или медресе, — *Хильми-паша поставил на первый план школу*. Затем паша в дальнейшем разговоре не раз напоминал, что мусульманам нужен *общий язык, каким, по его мнению, и является турецкий*.

Отношение к русской внутренней политике. В области внутренней политики "Терджиман", тщательно следя за русскими газетами всех направлений и перепечатывая статьи, которые по направлению и содержанию подходят к его точке зрения, задается целью, как утверждает газета, проводить идею дружной работы с русским народом, считая многомиллионный мусульманский народ "наиболее русским после русских". "Терджиман" занимает позицию, близкую к союзу 17-го октября: высказываясь за неуклонное движение вперед "в сфере юридической и законодательной", газета предпочитает беззаконию хотя и плохой, но не отмененный закон. Этой политической программой и объясняется большее, чем у других татарских газет, доверие, питаемое газетой к Государственной Думе.

Вопросы внешней политики. Точно также и в вопросах внешних политических сношений России "Терджиман" занимает резко очерченную, но, следует сказать, довольно одинокую позицию среди мусульманской печати. Газета давно и настойчиво советует России стать в возможно близкие, дружеские отношения к Турции, доказывая целым рядом статей возможность и необходимость такого сближения. Оно нужно и России, и Турции. В этом отношении газета считает истекший год неудачным: министр иностранных дел, г. Извольский, ушел в отставку, между тем он всегда благожелательно относился к мусульманам. По мнению газеты, Турция после переворота уже не хочет быть в положении "больного человека" и встает на ноги. Чтобы не остаться изолированной, ей нужно искать дружбы или на Западе, или на Востоке. Турецкое общественное мнение будто бы не подало ни одного голоса в пользу сближения с немцами. Газетами, наоборот, указывалось на различие интересов Германии и Турции и, вследствие этого, на нежелательность

союза. С другой стороны, насколько резки газетные отзывы о немцах, настолько благоприятны они для русских. "Этой дружбой, – говорит газета, – Россия не должна пренебрегать". Как это ни покажется странным, Турция – единственная страна, с которой у России масса общих интересов. Взять хотя бы, например, географическое положение обеих стран между Западом и желтым Востоком. При пробуждении Востока, первый натиск должна будет принять на себя Россия. С другой стороны, германизация в своем натиске на Восток идет по линии наименьшего сопротивления и стремится так или иначе, экономически или политически, подчинить себе Турцию, как первый этап на пути движения на Восток.

Что же касается Персии, то, хотя ее международное положение запутывается, газета, в общем, считает его выгодным для Персии: создавшееся положение мешает России и Англии бесконтрольно распоряжаться в чужом государстве. Задача персидской дипломатии использовать момент.

Газета "Вакт" (Оренбург).

Во главе мусульманской повременной прессы стоит самая распространенная (3600 экз.) оренбургская газета "Вакт", характером и тоном статей которой определяется направление других татарских изданий.

Направление "Вакта" оппозиционное, причем усиленное всего газета старается проводить свои воззрения в области "школьного вопроса". Реформа старых конфессиональных школ, подготовка учителей, новые методы обучения, отношение Государственной Думы и русского правительства, к мусульманской школе, ревизия Оренбургского духовного собрания, поскольку она касается школьного дела, – все это подробно обсуждалось на столбцах газеты. Хроника, корреспонденции, передовые статьи – все за-

полнено материллом, то полемического, то руководящего характера по школьному делу.

Стремлением к образованию, по словам "Вакта", за последние годы более, чем когда-либо, характеризуется жизнь русских мусульман.

Некоторые статистические данные о положении просвещения среди мусульман.

Так, в Бакинской губернии, по данным переписи 1897 года, умели читать и писать (данные общие для городов и сел):

Из 10.000 мужчин. 39 чел.

10.000 женщин. 24 „

Наибольший процент грамотных падает на городских жителей. Для сельского населения цифры сильно уменьшаются. А именно, грамотны среди сельского населения:

из 10.000 мужчин. 19 чел.

10.000 женщин. 6 „

или из 265 женщин в Бакинской губернии умеют читать и писать только 147 человек, что, конечно, объясняется затворническим образом жизни мусульманской женщины.

Правда, со времени переписи прошло 13 лет, а события последнего времени всколыхнули даже мусульман: к образованию*, но, по-видимому, не настолько, чтобы удовлетворить требования прогрессивной печати.

* Между прочим, "Вакт" с удовольствием отмечал отдельные вспышки самосознания среди мусульманских женщин. Теперь в разных местах уже встречаются среди татарок женщины, интересующиеся газетами, книгами и общественными вопросами. Практической мерой для усиления подобного движения является учреждение женских мусульманских обществ; в Уфе, например, такое общество много уже сделало для достижения намеченной себе цели. Одновременно увеличивается число мусульманок, поступающие в русские учебные заведения, организуются небывалые до сих пор исключительно женские собрания, чтения. Женщины выступают уже с протестами, хотя и единичными, против тех и других мер, против диких обычаев (напр., на свадьбах), с которыми не борются муллы и т.д.

Данные о среднем и начальном образовании в Бакинской губернии.

Данные, опубликованные Казанским учебным округом, показывают, что в Бакинском реальном училище число учеников-мусульман было:

в 1900 г. — 70 уч. — 10,3 % (общего числа учащихся)
„ 1908 г. — 223 уч. — 27 %

или увеличение, по сравнению с 1900 г., на 270 %.

Точно также в Бакинской мужской гимназии учеников-мусульман было:

в 1900 г. — 55 уч. — 5 % (общего числа учащихся)
„ 1908 г. 120 уч. — 10 %

т.е. опять увеличение в 200 %. При этом необходимо заметить, что увеличение числа гимназистов мусульман идет гораздо быстрее увеличения количества учащихся в средне-учебных заведениях.

В городских начальных училищах число детей мусульман составляло:

в 1900 г. — 38 %
„ 1908 г. — 43,4 %

В казенных начальных училищах училось детей-мусульман:

в 1900 г. — 1.300 детей
„ 1908 г. — 2.675

Впрочем, в начальных училищах увеличение числа русских и армянских учеников шло гораздо интенсивнее, чем таковое учащихся мусульман, свидетельствуя тем, что

стремление к просвещению менее сильно в низших слоях мусульманского населения г. Баку. Причины, задерживающие это стремление, постоянно указываются "Вактом".

Помехи просвещению Это, прежде всего, косность мулл, мусульман: косность фанатичных сторонников строго порядка, отживших учебных методов и традиций. Если деревня темна и невежественна, то в этом много виновато мусульманское духовенство. В подтверждение сказанного, "Вакт" передают следующий факт: В одной деревне была открыта довольно хорошая школа, с преподаванием по новому методу. Сначала местное население живо заинтересовалось школой, но вскоре энергичная агитация против нее во стороны духовенства достигла того, что от школы отвернулись, и даже перестали давать средства на ее содержание. Для поддержания ее, ученики были обложены рублевым сбором, но скоро и этот источник дохода иссяк вследствие тактики имама, с угрозами ходившего по деревням и проповедывавшего против школы. "Новометодники" остались без денег. Мало того, имам привлек на свою сторону и волостного старшину, который заявил, что не допустит в волости обучения по новому методу.

Ратуя против косности мулл, "Вакт" одобрительно относился по этой причине и к ревизии Оренбургского духовного собрания. Газета была уверена, что ничего противозаконного обнаружено не будет, но зато ревизорам станет ясна масса архаических черт и недостатков, присущих современному мусульманскому управлению и на которые давно указывает мусульманская пресса. Это же, в свою очередь, может ускорить реформы, которых мусульмане давно уже терпеливо ждали и ждут при полном забвении их интересов со стороны центральной власти.

Между прочим, "Вакт" приводил следующий эпизод из деятельности ревизоров. В помещении Оренбургского

духовного собрания производился экзамен кандидату в муллы. Когда испытание уже близилось к концу, прибыл ревизор г. Платонников и пожелал задать экзаменуемому несколько вопросов. И что же оказалось? Выдержавший испытание не только не мог излагать свои мысли и читать по-русски, но не знал даже обязанностей муллы, лежащих на нем в качестве духовного лица. Он не мог связно рассказать о порядке ведения метрических книг, об обязанностях муллы и т.п.

О подготовке к званию муллы.

Этот случай дал "Вакту" повод обсудить вопрос о подготовке к званию муллы. Выводы, к которым пришла газета, были самые неутешительные. Задача этих духовных деятелей лежит на духовных медресе, но в течение всего 15 или 20-летнего курса ученикам не дают указаний о порядке ведения метрических книг, не знакомят с законами о браке, разводе и пр. и вообще со всем тем, что требуется от муллы при исполнении им своих многосложных обязанностей. В учебный курс не входят даже те вопросы, которые обязательно задаются на экзамене каждому "шакирду".

Газета надеялась, что обнаружение таких фактов послужит толчком к реформе медресе.

Ограничение прав духовных собраний выдавать учительские свидетельства.

С другой стороны, "Вакт" сильно ополчился против ограничения прав духовных собраний выдавать учительские свидетельства, каковое мероприятие сильно взволновало за последнее время мусульманские круги. Мусульмане, по словам газеты, опасаются, что подобное мероприятие вызовет в ближайшем будущем недостаток в учителях для татарских школ.

Такую опасность директор народных училищ Казан-

ской губернии, в беседе с редактором газеты "Баянул-Хан", М. Сайдашевым, считал легко устранимой: необходимо лишь образовать при Казанской учительской семинарии особую комиссию, из директора, инспектора и одного преподавателя этого заведения и двух мулл с предоставлением комиссии права экзаменовывать и выдавать им учительские свидетельства.

Редактор упомянутой выше националистской газеты приветствовал подобный проект, считая, что им устраняются все недостатки нового ограничения. Однако, "Вакт", следуя своей системе отстаивания прав *национального "самоопределения"* татар, отнесся к проекту отрицательно: по мнению газеты, эта комиссия, не зная ни татар, ни их школы, ни языка, ни жизни, не стояла бы на высоте своей задачи. Народ и учительская корпорация не будут относиться с доверием к комиссии, *в которой нет выборных от населения представителей*. Кроме того, учреждение такой комиссии зависит от любезности директора, а последнее обстоятельство не представляет собою надежного фундамента. Необходимо поэтому получить разрешение на учреждение такой комиссии от центральной власти.

В заключение "Вакт" передавал, что предполагающийся в Уфе съезд мулл, вероятно, возбудит ходатайство: вновь представить духовным собраниям право выдавать учительские свидетельства.

Отношение газеты к русской внутренней политике.

В отчетном 1910 году национальные мотивы сильнее и настойчивее, чем прежде, звучали в "Вакт", как и во всей, впрочем, мусульманской прессе.

"Вакт" тщательно отмечал все явления русской жизни, могущие, по его мнению, оказать то или другое влияние на национальное бытие мусульман, и поэтому, сообщая о чем-либо, "Вакт" прежде всего интересуется, как отразится данное явление на общемусульманской жизни. Гро-

мадное значение для последней он придает, конечно, Государственной Думе и центральному правительству. По наблюдениям "Вакт", националистическая политика кабинета Столыпина обозначилась за последний год вполне ясно, и мусульмане живо чувствуют на себе ее влияние. Этим направлением правительственной политики "Вакт" объясняет закрытие школ в Крыму, Астрахани и других местах, увольнение в административном порядке некоторых учителей и мулл и вообще усиленное внимание к мусульманским школам со стороны администрации. Даже переименование татарских деревень (в Акмолинской области) "Вакт" считает проявлением политической тенденции, проводимой Министерством Внутренних Дел.

На Государственную Думу "Вакт" смотрит с безнадежным пессимизмом: ее отношение к мусульманам не дает никаких надежд на лучшее будущее. Отмечая "реакционное" направление русской внутренней политики, газета указывала, что правительство находит поддержку не только у крайних правых, но за последнее время и у октябристов.

Вопрос о начальном образовании в Г. Думе.

вопросе о начальном образовании.

Обвиняя последних в "хамелеонстве", "Вакт" указывал, что это их свойство яснее всего проявилось в

При Министре Народного Просвещения Кауфмане программа октябристов в этом вопросе во многом совпала с требованиями разных политических групп, обществ и отдельных национальностей. Прошло три года и теперь проект о начальном образовании, выработанный октябристом Анрепом, не удовлетворил ни одну из национальностей и в своем стремлении заглушить всякие проявления национального чувства идет дальше правительства: в Государственной Думе представителю Министерства Народного Просвещения пришлось защищать применение родного языка в начальных инородческих школах.

В Оренбурге местный октябристский комитет высказался за исполнение всех требований мусульман, а именно признал, что

1) медресе не должны входить в правительственную школьную сеть;

2) преподавание в медресе, в течение двух лет, должно вестись на родном языке;

3) в русских школах с значительным числом учеников мусульман обязательно преподавание их родного языка и основ религии.

Однако, заседающие в Таврическом дворце октябристы отказались поддержать такие требования. В результате, по словам газеты, очевидно, что Государственная Дума, находясь под властью истинно русских и националистов, стремится изгнать из татарских школ родной язык и преподавание основ мусульманской религии. Проведение же этой тенденции в жизнь было бы первым шагом к уничтожению татарской национальности.

Призыв к протесту.

Указав на эту опасность, "Вакт" в одном из своих номеров обратился ко всем мусульманам России с горячим призывом. Газета советовала не надеяться на мусульманских представителей в Думе, так как они малочисленны и сами нуждаются в поддержке со стороны избравших их. В то же время, не приходится верить большинству Думы, обещавшему не трогать медресе: "Когда наших детей, — говорила газета, — в возрасте от 8 до 12 лет заставят, при введении обязательного обучения, ходить в русскую школу, наши школы погибнут сами собой!

"Мы призываем вас к протесту и объединению. Вы должны считать ваши интересы — живым делом, достойным защиты; в противном случае, мусульман ждет жалкая будущность.

"Говорите! Требуйте! Протестуйте всеми законными

ми средствами. Нам нужны: родные школы, родной язык, своя религия. *Нация* должна громко заявить об этом”.

Ответом на подобный призыв был ряд ходатайств и протестов мусульман со всех концов России. В газете были непечатаны телеграммы из Миаса, Баку, Москвы, Семипалатинска, Уфы, Коканда и т.д. с требованиями допущения родного языка в начальных инородческих школах, а также преподавания татарского языка и магометанской религии в русских школах, где имеется значительное число учеников-мусульман.

О поземельном устройстве киргиз-кочевников.

Отрицательно относилась газета и к правительственной политике заселения русскими элементами степных областей с киргизским кочевым населением. Все растущий приток переселенцев на земли киргизов Уфимской губернии дал повод газете в статье “Казаки и переселенческий вопрос” подробно осветить положение дел со своей националистической точки зрения.

Положение “казаков”, как называет “Вакт” мусульман киргизов, по его сведениям, очень плохо. Не преувеличивая, можно сказать, что здесь дело идет о жизни и смерти 7 милл. душ. Ежегодно переселенческая волна отнимает у аборигенов края до 1.000.000 десятин лучшей пахотной и сенокосной земли, “казаки” же оттесняются к подножиям гор, на места каменистые и бесплодные. Им грозит полное разорение. Правда, был издан ВЫСОЧАЙШИЙ указ, согласно коему требуется сначала обеспечить землей инородцев кочевников и затем уже излишки ее передавать переселенцам. При этом на душу полагается надел в 15 десятин, но 15 десятин для кочевника слишком мало, и “казаки” от получения этой земли отказались.

Так как принятие 15-десятинного надела влекло неминуемый переход от кочевой жизни к оседлой, то бывший депутат от Уральской области, Каратаев, выступил с

проектом, по которому киргизы должны были воспользоваться наделами наравне с переселенцами и, вместе с тем, основать ряд поселений, сел и городов*. Однако, проект этот был встечен враждебно со стороны общей массы кочевников. Каратаеву все же удалось убедить три киргизских рода перейти к оседлой жизни и основать город. Решено было все земли, находящиеся в распоряжении родов, размежевать и затем расселиться: в результате основаны были 15 деревень с наделами по 15 десятин на душу. Оставшиеся несколько тысяч десятин были предложены русским переселенцам. Но для последних земли оказалось мало, и они от нее отказались, вследствие чего этот остаточный фонд пока пребывает в распоряжении киргизов.

"Вакт" вполне одобрил образ действия расселившихся киргизов, находя его целесообразным, и высказывал пожелание, чтобы остальные роды последовали их примеру.

Киргизы не решаются переходить в оседлое состояние из боязни, что их лишат некоторых присовенных им прав и подчинят общему закону о воинской повинности. Газета считала их опасения совершенно необоснованными, так как ограничение их прав можно провести и сейчас, служба же в солдатах не представляет для мусульман опасности: солдаты-татары возвращаются такими же правочерными мусульманами, какими отбыли на службу. Оседлая жизнь имеет массу преимуществ перед кочевой. Перечисляя их, "Вакт" заканчивал свою статью уверением, что только с возникновением киргизских городов и сел улучшится материальное положение киргиз, возродится их культура и солидарность.

В заключение надо отметить, что газета следила также с большим вниманием за жизнью мусульман в других

* Вероятно, проект имел в виду устроить киргизов компактной массой и тем воспрепятствовать их разложению волной русского переселения.

странах и, между прочим, сообщила о мусульманской газете, начавшей выходить в Китае. Ввиду того, что Китай стоит накануне введения конституции, а, следовательно, на пути к возрождению, "Вакт" считал нужным внимательно следить за этим новым органом мусульманской печати.

Газета "Юлдуз" (Казань).

Вторым по распространенности и очень популярным татарским органом печати является казанская газета "Юлдуз" ("Звезда"), выходящая в 2.400 экз. Она тоже придерживается во взглядах на внутреннюю политику программы "кадетов" и мусульманского союза, но особенностью газеты является то, что "Юлдуз" стремится излагать предлагаемый читателям материал возможно понятным для массы языком, что, конечно, и способствует популярности этого издания. Кроме того, издатель-корректор этой газеты А. Максудов, – единственный более или менее грамотный из казанских редакторов; он знает русский и арабский языки и посвящает свое свободное время работам по школьной литературе и лингвистике.

Политический отдел газеты довольно незначительный. В этой области газета ограничивается отчетами о заседаниях Государственной Думы или известиями из Персии и Турции и вообще сосредоточивает все свое внимание на вопросах общественной жизни и духовной культуры русских мусульман. Уклончивость и неясность выражений, нередкие "будто бы" и полунамеки, на которые язвительно указывают ее литературные враги, продолжают отличать эту газету. Однако, несмотря на такую способность "приспособления" к требованиям минуты, газета сохранила в полной неприкосновенности свою националистскую окраску, лишь с большей ясностью подчеркивая безупречность своего политического credo и оттеняя ее время от времени заявлениями, имеющими целью свидетельствовать о пол-

нейшей лояльности издателей. Газета чужда шовинизма, хотя не забывает отметить действительные успехи в деле распространения национальной идеи. Обращает на себя внимание, что "Юлдуз" *почти не употребляет русских слов*, которые вошли во множество в разговорный татарский язык, и заменяет их или чисто татарскими словами, или неологизмами или образными выражениями. Вопросы татарского правописания послужили темой для многих статей, появлявшихся время от времени в "Юлдузе" и обративших на себя внимание даже турецкой печати. Между прочим, на эти статьи было обращено внимание комиссией для реформы турецкого языка и правописания при турецком министерстве народного просвещения ("Юлдуз", № 486).

Вопросы о начальном образовании, об участии профессиональных школ и о положении татарского языка в учебных заведениях, которые должны быть открыты среди татар при введении всеобщего обучения, живо занимали газету. Она отмечала ход работ особого совещания, выделенного из комиссии по народному образованию Государственной Думы и в составе которого был избран из мусульман И. Еникеев. Совещание выработало особые правила для инородческих начальных училищ, согласно коим татарский язык был включен в число литературных языков, наряду с языками польским, латышским, армянским, грузинским и немецким. Как сообщала газета "Юлдуз", комиссия, признав татарский язык литературным, оказалась совершенно неосведомленной в этнографии и лингвистике, и не признала таковым языка тюркского. Однако, как видно из дальнейшего содержания статьи газеты по этому вопросу, автор считает эту неосведомленность притворной: совещанию не хотелось признать, что все мусульмане России представляют собою единую нацию. Поэтому, относя язык остальных тюркских народностей России к числу нелитературных, комиссия имела в виду лишить их права преподавания на родном языке. Автор статьи пере-

дает одну мысль, высказанную ему влиятельным думским депутатом, которому он пытался выяснить общее происхождение всех мусульман России. Депутат не придал его доводам никакого значения, заметив ему, что самое употребление названия *тюркский язык* в законе не совсем удобно и может навлечь на мусульман некоторые подозрения. Автор статьи замечает по этому случаю: "Раньше нас обвиняли в панисламизме, а теперь явился на сцену пантюркизм; недаром сложилась пословица, что когда ребенок смеется, то мачеха бьет его, утверждая, что он дразнится".

Из речей мусульманских депутатов, произносившихся в Госуд. Думе, печатались в "Юлдузе" речи Еникеева и в особенности С. Максудова, брата владельца газеты.

Так, подробно приводилась речь С. Максудова, в которой он жаловался на притеснения, претерпеваемые татарами от русского духовенства, которое, не ограничиваясь ролью проповедника, занимается, дескать, доношением и возбуждает центральное правительство против мусульман. Оратор указывал на доклад о панисламизме среди русских татар, представленный в Министерство Внутренних Дел преосвященным Алексием, ректором Казанской Духовной Академии. Доклад привлекал внимание оратора не по существу, а по той причине, что послужил мотивом для назначения комитета для обсуждения мер борьбы с национальным движением среди татар.

Оратору казалось странным отождествление панисламизма с тем общим стремлением к просвещению и распространению образования, которое замечается в последнее время среди русских мусульман. Максудов был не согласен с мнением преосвященного Алексия, который обвиняет младотатар в стремлении вернуть ислам к его прошлому, завоевать прежнее положение путем "джигада", т.е. кровавой борьбы против неверных. По мнению Максудова, история ислама не состоит из одних лишь битв, в ней много

и светлых страниц, и к этому светлому культурному прошлому и обращает свои взгляды интеллигентная часть татарского общества. Указывая на заявления, что "правительство и департаменты", обсуждая меры борьбы с татарством, хотят бороться лишь с проявлением национализма, не затрагивая религиозных особенностей русских мусульман, Максудов утверждал, что в представлении русских мусульман то и другое связывается нераздельно.

Другими словами, оратор усиленно выдвигает идею "миллят", в ее турецком толковании.

Пожелания татар при введении всеобщего обучения сводятся к следующему:

- 1) их конфессиональные школы должны быть исключены из общего правила о частных учебных заведениях;
- 2) во всех школах, где учатся дети татар, должно быть введено преподавание *родного языка и религии*;
- 3) *все предметы*, кроме русского языка, должны преподаваться на *родном языке*;
- 4) все вопросы, касающиеся преподавания родного языка и религии, должны разрешаться с согласия духовных собраний.

Мысль назначать в мусульманские школы, для общих предметов, православных учителей, по мнению Максудова, не может заслуживать сочувствия потому, что, кроме обучения, дети должны получить воспитание, "а оно, по желанию всех мусульман, должно иметь религиозную основу"*.

По первому пункту мусульмане, по-видимому, получили удовлетворение. Обсуждая уступку, которая сделана для мусульманских конфессиональных школ, г. Максудов в одной из своих статей в газете задает вопрос: "Надо ли этому радоваться?". Вопрос о всеобщем обязательном обучении, а, следовательно, о знании русского языка, по мне-

* Это вполне понятно при существовании идеи "миллят". т.е. объединения религии и нации.

нию автора, может быть разрешен в очень недалеком будущем, и тогда ученики конфессиональных школ, в которых русский язык не преподается, обучаются в очень неудобном положении. Естественно, что ученики таковых училищ будут обязаны посещать в течение известного времени правительственные учебные заведения, где они и будут знакомиться с государственным языком. Что же тогда случится с конфессиональными школами? Однако, обсуждая выдвигаемый некоторыми лицами проект, чтобы, взамен конфессиональных школ (мектебов), в правительственных учебных заведениях было обращено серьезное внимание на преподавание татарского языка и мусульманской религии, Максудов все-таки отстаивает исключение мектебов из общего правила: *они – важная опора мусульманской религии и национальности.* "Все мы – писал депутат Госуд. Думы – хотим того, чтобы турки России до самого дня воскресения мертвых говорили по-тюркски и оставались мусульманами. Наш народ не согласен на то, чтобы наши мектебы были подчинены общему закону. Это значило бы закрыть те из них, программа которых не будет соответствовать правительственной программе. Народ никогда не согласится на закрытие мектебов, это знает и правительство. Поэтому комиссия и согласилась так легко на исключение мектебов из общего правила. Народ понимает, как бы понаитию, что отказаться от своих школ, значит отказаться и от существования в качестве особой нации.

"Конфессиональные школы сыграли весьма важную роль в истории татар. В течение 400 лет они сохранили татарскую национальность, нравы, язык, религию. Живя в самом сердце России и будучи окружены со всех сторон русской стихией, несмотря на все происки миссионеров, татары сохранили свою национальную самобытность. Все это оказалось возможным лишь благодаря нашим школам. Конечно, можно говорить с усмешкой о наших мектебах с их старинным строем и устарелыми методами преподавания,

но если смотреть на них лишь с одной стороны, то это будет огромной ошибкой. Ту важную роль, которая выпала на их долю в жизни татарской нации, может оценить только история”.

”Мектебы – говорится далее в статье – создание народного гения. Существует тесная связь между ними и духом народа. Как мало вообще сведений сообщалось в наших конфессиональных школах, и, однако, какую религиозную стойкость и какую любовь к нации прививали они своим питомцам!”

По мнению С.Максудова, мусульманская фракция Думы должна приложить все свои усилия к тому, чтобы мусульманские дети получили право учиться в течение двух лет в национальных школах и лишь после этого поступали бы в правительственные училища, получив предварительно основательные познания в мусульманской религии и воспитавшись в национальном духе, который горел бы в их сердцах в течение всей их жизни.

В связи с вышеизложенным, обращает на себя внимание статья в газете ”Юлдуз”, в которой неизвестный автор, вопреки обвинениям правой русской прессы, приписывающей постепенный рост национальной идеи среди татар-магометан влиянию новометодных мектебов, заявлял, что, к сожалению, ”татарская конфессиональная школа до сих пор не может быть названа национальной в истинном значении этого слова. До настоящего времени в этой школе даже не введено преподавание грамматики родного языка, а о национальной литературе ее питомцы не имеют никакого представления”. Для того, чтобы внести в школу национальный дух, нужны особые пути, и автор статьи усматривает их в введении в конфессиональную татарскую школу предметов обучения (языку, грамматике, литературе), которые, в сущности, лишат конфессиональную школу присущего ей характера.

Культурные успехи мусульман в России.

ди мусульман России.

”30 лет тому назад, – говорит газета, – у нас едва можно было насчитать 5 – 6 книг на татарском языке. Теперь же, за столь короткий сравнительно срок, количество книг возросло до 1000, и в числе их имеются книги по научным и педагогическим вопросам.

”До самого последнего времени наш язык считали наречием, теперь Государственная Дума признала его вполне литературным языком.

”30 лет тому назад у нас не было ни одной татарской типографии, теперь их 175. Наши книги на арабском языке, даже Коран, часто в былые годы продавались среди других товаров, так как у нас не было отдельных книжных магазинов. Теперь последних более 30. Тогда не было ни одной татарской газеты; в настоящее время выходит около 20 татарских повременных изданий.

”Едва ли кто слышал ранее про татарский театр. Теперь же это совершившийся факт; у нас есть своя драматическая литература, свои артисты. Всюду идет работа над созданием национальной песни.

”30 лет тому назад считали за грех учиться по-русски, – теперь в начальных школах учатся тысячи, в средних и высших – сотни мусульман. У нас есть клубы, культурно-просветительные общества, союзы и т.п. Все это служит показателем прогресса. Однако, – заканчивает свою статью ”Юлдуз”, – не надо обольщаться всеми этими результатами, так как, в значительной степени, это только внешний прогресс. Для прогресса в области сознания, входящего в плоть и кровь и коренным образом перерабатывающего человека, – необходимо еще много и долго работать”.

Проект издания газеты на русском языке.

В связи с вышеизложенным, интересно отметить проект издания в Петербурге газеты на русском языке для отстаивания мусульманских интересов, о чем сообщала петербургская татарская газета "Нур" ("Свет").

Как указано было раньше, это еженедельное издание умеренно-монархического направления не пользуется успехом, выходит неаккуратно и заполняется перепечатками из "Нового Времени" и других газет. Между тем, в русских правых газетах стали за последнее время чаще, чем раньше, появляться статьи и заметки о мусульманах России, в которых явления мусульманской жизни получали нежелательное для мусульман освещение. В видах противодействия этому, в кругах, близких к редакции газеты "Вакт", возникла мысль основать в Петербурге газету на русском языке, с целью борьбы с повременными изданиями, дающими русскому обществу неправильные, с точки зрения "Вакта", сведения о мусульманах.

Для выполнения этого проекта были даже найдены деньги, и представитель газеты "Вакт" приезжал в Петербург для переговоров с членами мусульманской фракции в Государственной Думе. Однако, переговоры ни к чему не привели: фракция требовала отдать все издание в ее руки, представитель же газеты "Вакт" предлагал избрать редактором постороннее лицо, не зависящее от фракции, опасаясь, что, в противном случае, газета станет проводить исключительно фракционные интересы.

По исчислениям газеты "Нур", для издания в Петербурге большой ежедневной газеты потребуется на первое время не менее 40.000 руб.*

* В нынешнем году в Петербурге стала выходить еженедельная газета на русском языке "В мире мусульманства".

Газета "Баян-уль-Хак" (Казань) .

Второй газетой, выходящей в Казани, является "Баян-уль-Хак" (Указатель Истины), по своим размерам самый большой, но менее, чем популярная "Юлдуз", распространенный орган печати (тираж 1.400 экз.). Направление этой газеты, близкое "кадетам" и мусульманскому союзу, мало устойчиво и часто определяется, вопреки личным взглядам руководителей газеты, А. и М. Сайдашевых, прямым коммерческим расчетом. Газета существует преимущественно объявлениями различных торговых фирм, которые печатаются в ней во множестве, благодаря многочисленным связям в торговом мире, имеющимися у ее издателей.

Называя себя "мусульманской газетой" (это название читается и в самом заголовке газеты), "Баян-уль-Хак" тем самым как бы выдвигает на передний план не интересы татарской национальности, а нечто более широкое, полагая в основу всей своей деятельности те религиозные особенности, которые сближают и объединяют между собой различные народности, исповедующие ислам. Издатели прилагают все свои усилия к тому, чтобы дать своей газете наиболее широкое распространение: они имеют своих агентов во всех более или менее важных мусульманских центрах и печатают свои издания на смешанном тюркском языке, который может быть понят без большого труда не только магометанами России, но и мусульманами, говорящими на тюркских наречиях и живущими в других государствах. Когда в минувшем году Казань посетил бывший великий визирь Хильми-паша, он, говоря о казанской временной печати, между прочим, заметил, что газеты "Баян-уль-Хак" и "Казань Мухбири" он понимает без всякого труда, хотя разговорный татарский язык, по его же словам, был для него почти непонятен.

В статьях "Баян-уль-Хак" резко выражается постоян-

ное стремление поддерживать среди мусульман России идею религиозной, а также и племенной связи, которая должна объединять их в взаимных отношениях, и, вместе с тем, соединит с мусульманами всего остального мира. Что эта идея имеет своих приверженцев, несомненно. Такие лица, как Абдуллах Ибрагимов,* статьи которого с такой готовностью печатает "Баян-уль-Хак", едва ли представляет собой единичное явление среди татар; наоборот, то обстоятельство, что одна из видных татарских газет так охотно предоставляет ему свои столбцы, скорее говорит за то, что его статьи, хотя и сильно сокращенные, благодаря существующим условиям, находят себе большое сочувствие среди читающих мусульман.

Современные стремления среди мусульманской интеллигенции направлены на подготовку народных масс при помощи школы. Татарская школьная литература разрастается с каждым годом; при этом она делает успехи не только в количественном, но и в качественном отношении. Так как *старые школы* с устарелыми методами преподавания были совершенно *негодны* для обучения, а следовательно, и для *пропаганды национальной идеи*, то борьба за новую школу приняла очень острый характер. Старые мурлы, дорожа своим положением и влиянием на народные массы, объявили войну представителям нового направления, которая повела, в конце концов, к вмешательству местной администрации и высших правительственных сфер. Согласно планам передовой интеллигенции, национальная татарская школа должна повести дело народного обучения быстрыми шагами; при этом имелось в виду то обстоятельство, что в настоящее время окружающее татар православное население почти поголовно безграмотно, и, следовательно, быстрое развитие грамотности среди татар должно было поставить их выше православных соседей и

* См. выше, стр. 6 и 11.

дать им таким образом некоторый перевес в их экономической борьбе.

В том, что татары способны явиться в этой борьбе очень сильными конкурентами для коренного населения Империи, едва ли может быть сомнение. Способности татар к торговым предприятиям известны всем и каждому. Если верить сообщениям того же "Баян-уль-Хака", уже теперь почти вся торговля в Монголии находится в их руках. Они же, наравне с евреями, будто бы являются единственными более или менее сильными соперниками иностранной торговли на Дальнем Востоке. Главную роль играют здесь так называемые мишари, т.е. татары, населяющие губернии Пензенскую, Саратовскую, Тамбовскую и Нижегородскую, говорящие на особом наречии, но употребляющие в качестве литературного языка наречие казанских татар.

Идея объединения мусульманских народностей также более, чем в других татарских органах, подчеркивалась газетой "Баян-уль-Хак". Сюда относятся, например, сочувственные статьи *о новометодных школах среди мишарей* (Пензенской, Тамбовской и др. губерний), которые содействуют "возрождению" национального языка среди населения, почти утратившего его в силу постоянных сношений с русскими.

Нередкие напоминания важного значения единодушия и сплоченности и указание на примеры маленьких стран, как Болгария, которая раньше находилась в полной зависимости от Турции, а затем образовала из себя сильное, независимое политическое целое, а также тщательное сообщение известий о борьбе мусульман других стран против европейцев (напр., в Индии) имеют довольно прозрачную цель – внушить мусульманскому населению России надежду на иное будущее, которого они могут достигнуть при условии взаимного единения и братской связи с мусульманами других стран.

Мечты эти могут казаться пустой фантазией, но они

действительно существуют. Может быть, мечтателей окрыляет надежда на возможность какого-либо внешнего осуждения, на которые рассчитывает А.Ибрагимов и его единомышленники, статьи которых время от времени появляются на страницах "Баян-уль-Хака". Некоторые из них (напр., Агеев) настолько увлекаются в своих зарубежных симпатиях, что, читая их произведения, можно думать, что мы имеем дело не с статьей русского подданного, а со словами персиянина или османского турка. В глазах татарских публицистов этого направления интересы Турции и Ирана — с одной стороны, и интересы российских татар — с другой, совершенно сходятся между собой. Этим объясняется тот лихорадочный интерес к событиям на Ближнем Востоке, который явно сквозит в статьях "Баян-уль-Хака".

Как и в прежние годы, в газете печатались корреспонденции из всех мусульманских углов России, а также известия о всем том, что совершается в жизни наших турецких инородцев вообще. Из этих статей, между прочим, заслуживают внимания статьи А.Биктемирова о сибирских инородцах и их культурных успехах, причем автор, отчасти говоря словами русских исследователей этого края, указывает на важность изучения Сибири также и для российских татар.

В сравнении с более умеренной газетой "Юлдуз", "Баян-уль-Хак" отличается еще той особенностью, что, как в самом подборе материала, так и в характере изложения отдельных статей, можно ясно усмотреть желание поддерживать в среде читающих масс недружелюбное отношение к начинаниям правительства, возбуждая непрерывно дух протеста. Это обнаружилось с особенной силой в отношении газеты к вопросу о применении родного языка в инородческих школах. Обсуждая прения по этому вопросу в Государственной Думе, "Баян-уль-Хак", возражая крайним правым, настаивавшим на ведении преподавания с первого же года обучения на русском языке, заявляла, что "насилъст-

венным навязыванием русского языка не может быть достигнуто единство России, сплочение различных национальностей в единое государство". Газета выставляла принцип: "свобода, равенство и братство" всех национальностей. Каждая нация прежде всего должна уважаться, а не презираться. В противном случае газета сулила России, вместо

Угроза развитием сепаратизма.

единства, развитие сепаратизма в населяющих ее народностях и приводила цитату из "С.-Петербургских Ведомостей", в которой говорилось, что, если Россия не будет для инородцев отечеством, за которое человек готов стоять грудью, они станут тяготеть "к нашим недругам: поляки, литовцы — к Австрии, магометане — к Турции и т.д."

В программе националистов, находящих, что при посредстве русского языка инородцы могут легче приобщиться к русской культуре, "Баян-уль-Хак" усматривала заднюю мысль: затруднить образование и просвещение. Газета находила невозможным, чтобы татарских детей, не понимающих русского языка, учил русский учитель, в свою очередь не знающий ни одного татарского слова.

Однако, "Баян-уль-Хак" сочла себя удовлетворенной, когда Дума ввела в законопроект о начальном образовании параграф, допускающий преподавание на родном языке. Газета надеялась, что *Государственный Совет* также присоединится к этой точке зрения. С другой стороны, когда в вопросе о праздничном отдыхе желание мусульман праздновать пятницу и торговать по воскресным дням не было удовлетворено Думой, "Баян-уль-Хак" призывала мусульман посылать впредь свои ходатайства в Государственный Совет.

Связи газеты с сотрудниками в Турции и Японии.

Настойчивое требование газетой полного равноправия для мусульман в России тем более характерно, что

”Баян-уль-Хак”, в то же время, уделяла много внимания Турции (и даже Японии), где, как известно, принцип равноправия второстепенных народностей далек от полного осуществления. В прошлом году в газете была помещена масса корреспонденций Ибрагимова, путешествовавшего по Японии. В настоящее же время в газете стали печататься письма его сына, Мунира, командированного турецким правительством в Японию. Между прочим, как видно из корреспонденции, посланной Муниром из Харбина, интересы путешественника сконцентрированы на татарских колониях на Дальнем Востоке. Главной его идеей является объединение представителей мусульманства в разных странах и, особенно, мусульман в России, которых он не забывает в далеких азиатских пределах. Так, дав краткое описание колоний своих соплеменников в Харбине, где число мусульман с 3.000 чел. (до и во время русско-японской войны) сократилось ныне до 200, автор письма особенно оттеняет видное место, занимаемое ими в харбинском коммерческом мире, где они ведут успешную конкуренцию даже с евреями. Этот факт дает пишущему повод указать, как низко, с сравнением с харбинскими татарами, стоят казанские.

Проповеди объединения.

Только в Казани, говорит он, и можно встретить характерные дразги, мелочные споры, сплетни и др. Мусульмане других местностей давно и с успехом выступили на путь прогресса. Их не раздрает озлобленная полемика по поводу ”новометодных” школ и других, уже выясненных, истин. Они задаются целями *объединения*, стремятся расширить рамки своего участия в общегосударственной жизни. Всякого мусульманина считают братом и *общее дело – своим делом*.

В Харбине маленькая колония в 200 человек, затратив до 25.000 руб., построила мечеть и платит имаму 75

рублей в месяц. Кроме того, имеется библиотека, на которую ежемесячно ассигновывается до 25 рублей. "А у нас, в Казани?" вопрошает автор письма. "Что имеет Казань, при наличии своих 45.000 мусульман?! Кроме разрозненности – ничего. Забота о себе, о личных делах стоит на первом плане, а общество и его интересы игнорируются".

Интерес харбинских татар в Турции.

Затем Ибрагимов, в качестве наглядного примера широты интересов и взглядов харбинских татар, описывает, как он и его спутники, приглашенные на праздник в мечеть, "после молитвы, по просьбе имама, стали подробно рассказывать о Турции. Первым начал говорить Тевфикбей, который, поднявшись на возвышение, кратко изложил историю Турции, причем *указал на родство и близкую связь турок с татарами*". Второй спутник Ибрагимова описал современное политическое положение Турции среди других государств. По его мнению, Турция похожа на старое дерево, которое долго забрасывали разным мусором, и которое только теперь, из-под придавившего его сора, начинает выбиваться на свет Божий. Корни дерева здоровы, и если его поливать, оно *даст новые ростки*.

Год тому назад в Константинополе в начальных школах было 4.000 учащихся, – теперь их число возросло до 10.000. Года полтора ранее, при старом режиме, чиновникам платили жалованье раз в 4 месяца, – теперь платят аккуратно. В 1908 году Турция была завалена долгами, – теперь же бюджет сводится без дефицита. Считая такие результаты прямо поразительными, оратор надеялся, что Турция в скором времени займет видное место среди европейских государств.

Собеседование в мечети закончилось речью самого Ибрагимова, рассказывавшего об отношении Турции к татарам и, с другой стороны, *об отношении русских мусульман к туркам*. Однако, указав тему своей речи, автор письма уклонился от изложения ее содержания.

Еженедельные мусульманские издания.

Оставляя в стороне выходящую в Астрахани газету *"Идилъ"* ("Волга"), типа ежедневных изданий (с тиражем 1.000 экз.), причисляющую себя к оппозиционным органам и существующую почти исключительно перепечатками из других газет, русских и турецких, следует остановиться более подробно на еженедельных татарских изданиях, выходящих в Европейской России. Они тоже, за исключением оренбургского журнала *"Дин-Уа-Магишет"*, принадлежит к разряду прогрессивных и оппозиционных органов печати, но имеют весьма слабый тираж (от 100 – 500 экз. до 800 экз., в одном случае – 1.500 экз.). Выходят в свет в тех же городах, что и ежедневные издания: в Астрахани, Казани, Оренбурге, кроме того, одно издается в Самаре.

В Астрахани выходит *"Бурхан-Таракки"* ("Доказательство Прогресса"), с тиражем в 500 экз. Уже из одного названия можно видеть, что этот орган задается целями культурного развития мусульман России, но, в противоположность взгляду других татарских изданий, *"Бурхан-Таракки"* глядит на дело пессимистически. Отсутствие национального самосознания, слабая деятельность татарской интеллигенции, инертность массы и, как результат всего этого, отсутствие просветительных учреждений, – вот, по мнению газеты, характерные признаки быта татар, как национальности. При таких условиях, на широкое развитие культуры рассчитывать нельзя.

Тем не менее, газета всеми силами отстаивает необходимость распространения знаний среди татар. В статье *"Правительство и просвещение"* она так формулирует свои взгляды:

Статья "Правительство и просвещение".

Каждому государству для приобретения могущества необходимо, прежде всего, просвещение. Это бле-

стяще было доказано русско-японской войной. Мы, татары, живем и родились в России, Россия – наша родина, поэтому ее успехи – наши успехи, ее поражения – наши поражения. Следовательно, вполне естественно, что мы желаем ей успеха во всем. Но для этого нужна сила, а сила, в свою очередь, приобретается просвещением.

Для достижения этой цели, для темной народной массы необходимо ввести обязательное обучение в начальной школе, сделать ее доступной для всех, для чего необходимо:

- 1) Предоставить населению право свободно открывать школы всех типов;
- 2) оказывать такой деятельности моральную и материальную поддержку и
- 3) допустить в инородческих училищах преподавание на родном языке учащихся.

По словам "Бурхан-Таракки", несмотря на желание правительства ввести всеобщее обучение, улучшения в положении инородческих школ пока еще не заметно: в них с первого же года требуют обучения на русском языке.

По мнению газеты, это – старая обрусительная политика, которая сеет недоверие между национальностями России: того, кто отнимает язык и заглушает религию, нельзя считать другом.

В заключение "Бурхан-Таракки", обсуждая положение, в котором находится теперь мусульманский школьный вопрос, полагала, что правительство удовлетворит желания мусульман, а это, без сомнения, поощрит их работать на благо России.

Такие оригинальные статьи появляются в газете не часто, и содержание ее исперпывается перепечатками из "Вакта", "Терджимана", турецких газет и т.п.*.

* Высланные с Кавказа доктор Наримен-бек, за помещение биографии которого "Бурхан-Таракки" в прошлом году была оштра-

К числу прогрессивных еженедельных изданий принадлежит и журнал *"Иктисад"* ("Экономия"). Основанный со специальной целью обсуждения вопросов сельского хозяйства, он имеет весьма слабый тираж в 100 экз. В истекшем году в журнале помещено было много статей по кустарному промыслу, по торговому делу и т.д. *"Иктисад"* носит исключительно экономический характер и касается общих тем, лишь поскольку они стоят в связи с экономическим прогрессом среди мусульман. С этой точки зрения в нем обсуждался и школьный вопрос. Журнал, прежде всего, констатировал, что мусульмане, благодаря своей безупречной верности родине, пользуются столь широкими правами, как ни одна из народностей, населяющих Россию: татарам, например, беспрепятственно разрешается открывать медресе всюду, где они пожелают.

"Однако" — вопрошает журнал, — "пользуемся ли мы нашим правом в полном объеме"? — и считает необходимым дать отрицательный ответ на свой вопрос.

Вопреки распространившимся среди мусульман слухам о намерении Государственной Думы ограничить автономию татарских школ, *"Иктисад"* полагал, что этого не случится: целые десятилетия медресе оставались в распоряжении и под контролем магометанских духовных собраний, и за это время в татарских школах не учили ничему противозаконному.

Еженедельное издание *"Казан-Мухбири"* ("Казанский Вестник") не занимает прочного положения: тираж его — 500 экз., и он мало заметен в мусульманском газетном мире, существуя исключительно перепечатками из других газет и журналов.

→
фована на 200 руб., теперь проживает в Астрахани и сотрудничает в этой газете, помещая в ней статьи по медицинским вопросам. В одной из них он, между прочим, доказывал отсутствие всякого противоречия между предписаниями ислама и врачебной наукой.

Лучше поставлено дело с изданием журнала "Шура" ("Совет"), выходящего в Оренбурге два раза в месяц. Он дает статьи исключительно научно-популярные, по педагогике и истории. Положение мусульман обсуждается в журнале только с обще-культурной точки зрения. Редактором состоит известный татарский писатель Риза-Фахретдинов; издатели — братья Рамеевы, собственники газеты "Вакт". Журнал — направления прогрессивного, пользуется успехом (тираж 1.500 экз.) и вызывает со стороны приверженцев старых основ жизни усиленные нападки. Они особенно учатились после того, как "Шура" напечатал лекции М. Багеева, прочтенные последним в медресе Хусаинова на тему о милосердии Божиим, согласно учению Корана.

Дин-Уа-Магшешет" — орган старозаветного мусульманства.

Характерно для нынешнего настроения среди татарских интеллигентных слоев, что из двадцати существующих мусульманских повременных изданий России, только один отстаивает старозаветные основы мусульманства: еженедельник "Дин-Уа-Магшешет" ("Религия и Жизнь"), с тиражом в 800 экз. Этот журнал выходит в Оренбурге и посвящен всецело защите ислама во всей его неприкосновенности. Всякая попытка со стороны мусульманской интеллигенции внести какие-либо изменения в букву "закона", или отказ от слишком устаревших обрядностей вызывают яростные протесты этого органа печати.

Направление "Дин-Уа-Магшешет" ярко характеризуется в инциденте с вышеупомянутым молодым ученым Муса-Багеевым.

В прошлом году, в медресе Хусаинова в Оренбурге, Муса-Багеев читал лекции, которыми попытался внести нечто новое в устарелые воззрения ислама. Багеев, основываясь на Коране, доказывал, что *всякий человек, будь он*

мусульманин, иудей или христианин, одинаково найдет спасение у Бога. ”Бог, говорил Багеев, называет себя Всемиловейшим, и Он таков в действительности. Этого никто не может отрицать. Человеческая жизнь, в сравнении с вечностью, каковой является загробное существование, представляет собой бесконечно малую величину. Достойно ли всемиловейшего Господа бесконечно мучить в вечности человека, прожившего на этом свете немногие дни своей жизни?”

Против этого нового для ислама учения и ополчился ”Дин-Уа-Магишет”. Шум, поднятый им по этому случаю среди мусульман, был настолько силен и непрерывен, что Багеев, не желая учить в подобной атмосфере вражды, оставил место преподавателя в медресе.

”Дин-Уа-Магишет” был одинок в своем протесте, и поведение его было единодушно осуждено всей татарской печатью. Однако, это ни мало не повлияло на руководителей журнала, и на страницах его продолжают появляться массами статьи с нападками на все новое.

Мусульманские издания на Кавказе.

Как было упомянуто раньше, татарские повременные издания (на азербейджанском наречии), выходящие в настоящее время на Кавказе, возникли все не ранее 1908 года. Впрочем, в течение 1907 года в Баку выходило 7 изданий, каковое число к концу года упало до 3-х (в 1908 году соответствующие цифры были 5 и 2).

Из числа прошлогодних 7 кавказских татарских изданий, пять выходят в *Баку*, остальные два в *Тифлисе*: одно, ”Молла Насретдин” – сатирический листок, другой, ”Мезхер” (”Явление”) – совсем незначительный еженедельный орган, то прекращающийся выходом, то вновь появляющийся. Тираж татарских изданий на Кавказе, каждого в отдельности, довольно незначительный (1.000, 1.500, 2.000

экз.), но следует принять во внимание, что почти все они выходят в одном городе Баку.

Особенность татарских органов печати на Кавказе — их *интерес и близость к турецкой прессе*, доходящая в некоторых случаях до печатания турецким шрифтом и помещения статей и стихотворений на чисто турецком языке. Направление всех изданий "беспартийное", но прогрессивно-оппозиционное. Наибольший тираж в 2.000 экз. имеет ежедневная бакинская газета "Гюнеш" ("Солнце"), являющаяся сторонницей новых форм во всех проявлениях мусульманской жизни. Требуется, например, обратить особое внимание на образование мусульманских девочек, а в видах охранения народного здоровья, предлагает постановить, чтобы вступающие в брак представляли медицинское свидетельство.

О необходимости принятия турецкого языка общим языком мусульман России.

В вопросе о необходимости принятия общего для всех мусульман России языка, газета разделяет взгляд умеренного крымского органа "Терджимана" и предлагает принять в качестве единого наречия, крымско-турецкий язык.

События из жизни мусульманства в других странах находят на столбцах газеты довольно полное освещение. Так "Гюнеш" отмечает даже, что на полуострове Малакка, в Сингапуре, начала выходить газета на арабском языке, под названием "Эль-Ватан" ("Родина"). Из области же турецкой жизни знакомы читателей, например, с тем, что подвига на турецкий флот идет с большим успехом, вызывая громадный подъем патриотизма: одна девушка, под влиянием охватившего ее воодушевления, отрезала у себя косу и пожертвовала ее на общее дело.

"Сада".

Вторым бакинским ежедневным органом является газета "Сада" ("Голос", с тиражем в 1.500 экз.). Это

как бы продолжение газеты "Иттифак", закрытой администрацией. В настоящее время представляет собой обычный тип мусульманской газеты без ярко выраженного направления. Она внимательно следит за событиями из жизни мусульманского мира, группируя все такие новости в ежедневной рубрике газеты под заглавием "События за день".

Подобно всем кавказским татарским изданиям, "Сада" помещает массу перепечаток из турецких газет и, в особенности, из "Сиратул-Мустахим", откуда берет статьи преимущественно научного характера*.

Интересно, между прочим, отметить следующий факт. Сообщая со слов турецких газет об основании в Боснии и Герцоговине мусульманского банка (с капиталом в 25 мил. рублей). "Сада" вспоминала, что в прессе центральной России одно время носились неизвестно кем пущенные слухи об открытии мусульманского банка в Империи. Проект был встречен тогда несочувственно, и теперь "Сада", возвращаясь к этому вопросу, лишний раз подчеркивала, что у мусульман России не находится денег даже на незначительные нужды, нет ни деятельной интеллигенции, ни энергичных коммерсантов, — короче говоря, общая некультурность и отсталость мусульман России делают невозможным постановку на очередь столь крупного вопроса, как основание национального банка.

Третьим бакинским изданием с *особо выраженным турецким характером* является "Ени-Феюзат" ("Новое Благо", с тиражем в 4.000 экз.). Этот небольшой двухнедельный журнал научного характера печатается турецким шрифтом; кроме того, часто помещает статьи и стихо-

* См. выше, стр. 11, где сообщается, что в "Сиратул-Мустахим" сотрудничает Ибрагимов.

творения на чисто турецком языке. Издается и редактируется журнал Али-Пашей Гусейновым. Направление издания прогрессивное. Например, в одном из своих номеров журнал доказывал, что, согласно Корану, положение мусульманской женщины должно быть не хуже положения еврейской женщины. Коран только внес некоторый порядок в законы многоженства, существовавшего ранее возникновения ислама.

Среди научных статей в журнале помещаются портреты, кроме Менделеева, Толстого, также и деятелей турецкого переворота и т.п.*.

Несколько особняком от остальной татарской прессы на Кавказе стоит издание "Неджат" ("Спасение").

Степень его распространения еще не выяснилась, так как журнал начал выходить только с 20 декабря истекшего года. Издание выпускается в свет бакинским культурно-светительным мусульманским обществом, с тем же названием "Неджат", и преследует, по-видимому, цель, кроме просвещения татарских масс, примирения их с армянами. Задачи журнала были выяснены следующим образом в редакционной статье, помещенной в первом номере.

"За последние годы, — говорилось в статье, — под влиянием всесозидающей силы просвещения, тьма, веками окутывавшая мусульман, стала понемногу покидать нас. Но она рассеивается слишком медленно и слабо, слишком крепко захвачены козностью все наши хорошие порывы, мысли и стремления. Эта же тьма убила в нас сознание правды и права! Такова та безобразная бездна, куда забросило нас печальное прошлое, и которая служит ныне укреплением для нашего мракобесия!"

С целью борьбы с невежеством, просветительное об-

* "Ени-Феюзат" приостановлена в сентябре настоящего года административной властью.

щество и решило издавать свою завету, предполагая обсуждать в ней различные вопросы общечеловеческой культуры и идейного творчества, в то же время отказываясь от обсуждения вопросов о мусульманском духовенстве и религии.

В числе статей, помещенных в пяти номерах этого журнала, вышедших в конце 1910 года, обращает на себя внимание краткий некролог о скончавшемся армянском католикосе Маттеосе II, где "Неджат" заявляет, что "совместно с армянским народом оплакивает его тяжелую утрату". В том же номере журнала было сообщено, что просветительное общество "Неджат", собравшись на экстренное заседание 14 декабря, почтило память почившего католикоса вставанием и отправило на имя его заместителя телеграмму с выражением "глубокой скорби" по случаю этой кончины.

Сатирические татарские издания. Наконец, необходимо упомянуть, что татарская пресса Империи насчитывает три сатирических издания: в Казани "Ялт-Юлт" ("Сверкание") с тиражем в 1.200 экз., в Баку – "Зензур" ("Оса") – 1.500 экз. и в Тифлисе – "Молла-Насретдин") – 2.500 экз. Издаются они довольно плохо. Лучший из них – последний, что усматривается из цифры его тиража. Относясь к своей задаче очень серьезно, он часто дает меткие и злые, но не выходящие из рамок корректности сатиры на все уродливые явления в мусульманской среде. Отсутствие интереса к общественным делам, невежество духовенства, косность и дикость массы, непримиримый фанатизм, мелкие дрязги, сплетни, уродливые формы семейной жизни, все это дает благодарный материал журналу, который пользуется им очень умело.

Заканчивая этот краткий очерк татарской печати на Кавказе, необходимо заметить, что общий уровень ее зна-

чительно понизился со времени отъезда ее вдохновителя, Агаева, в Турцию. Хотя этот татарский литератор и продолжает посылать корреспонденции то в ту, то в другую из кавказских газет, его личного влияния на ней уже не заметно.

№ 1 |

ملا نصر الدين

Первая страница первого номера "Молла Насретдина"

III. Произведения неповременной мусульманской печати в 1910 г.

Часть сведений о неповременных изданиях приведена была уже в гл. I-й, когда излагались общие вопросы об языке "тюрки", о "миллят", киргизской литературе и пр. Здесь же надлежит отметить, что борьба между старым и новым направлениями в современной мусульманской жизни составляли также характерную особенность неповременной татарской печати, причем преимущество обнаружилось на стороне нового. В минувшем году вышло в свет в Империи всего 495 произведений неповременной мусульманской печати; издания же по различным вопросам *религиозно-нравственной жизни* мусульман составили только около трети всего этого количества, именно 169 изданий.

Общее распределение произведений татарской неповременной печати, по *содержанию*, выясняет следующая таблица:

Содержание	Общее число изданий.	в Казани.	в Оренбурге.	в Баку	в Темир-Хан-Шуре.
Религия	169	117	11	7	16
Учебные книги	88	64	4	7	6
Беллетристика	67	51	4	6	2
Поэзия	42	36	1	2	1
Педагогика	10	2	3	1	—

География	10	2	5	1	1
Философия	9	9	—	—	—
Медицина	8	8	—	—	—
Право	8	8	—	—	—
Социология	6	3	2	1	—
Сельское хозяйство	7	6	1	—	—
Драматич.произвед.	8	5	—	2	—
Детские книги	20	12	2	2	—

Из этой таблицы усматривается, что Казань является центром мусульманской жизни во всех ее проявлениях. С другой стороны, Оренбург держится более старозаветного направления: книги по философии, медицине, праву и драматические произведения в Оренбурге не выходили в свет. Что же касается Кавказа, то, по сравнению с мусульманами центральной России, высшие классы его мусульманского населения не отличаются широтой своих культурных запросов.

В виду того, что центром умственной и духовной жизни русских мусульман является Казань, где вышло почти все количество новых изданий (418 из общего числа 495), интересно осветить вопрос о борьбе направлений по данным города Казани. В позапрошлом 1909 году перевес сил, в области литературы, был еще на стороне "старых". Тогда издания религиозно-нравственного содержания на всех мусульманских языках превосходили издания общего характера:

религиозно-нравственные издания. . .	55,8 %
общего характера . .	44,2 %

В отчетном году перевес уже склонился на сторону литературы общего содержания. Теперь общее число книг и учебников религиозно-нравственного содержания было

165 (39,5 % общего числа); они вышли в количестве 1,395,120 экземпляров (54 % общего числа) и составили 7,462,079 листов печати (58,9 % общего числа). При приведении этих процентных отношений к их среднему, оказывается, что в минувшем году общий вывод иной:

религиозно-нравственные издания.....	49,1 %
общего характера.....	50,8 %

При этом необходимо заметить, что литература религиозно-нравственного содержания на 3/4 издается на *арабском языке* и предназначена, прежде всего, для ученых мулл и шакирдов и для употребления во время богослужений и требоисправлений. Массе народа арабская книга непонятна и не может иметь влияния книги, напечатанной на языке татарском. Если же обратиться к неповременной печати на *татарском языке*, то преобладание изданий общего содержания будет еще более решительным:

	1909	1910 г.
религиозно-нравственные издания.....	38,2%	29%
общего характера.....	61,8%	71%

Издания специально школьные представляют собой еще более яркий пример победы "новых":

	1909 г.	1910 г.
Учебники религиозно-нравственного содержания	66,4%	39,7%
Учебники общего содержания.	33,6%	60,3%

т.е. в отчетном 1910 году отношение это изменилось до полной противоположности. При этом нужно заметить, что дело составления учебников *общего содержания* находится всецело в руках людей нового направления. Учебники ре-

лигиозно-нравственного содержания принадлежат перу сторонников как старой, так и новой партии, но и здесь новые берут несомненный перевес, потому что имеют на своей стороне неволежные школы и привлекают к себе покупателей ясным изложением предмета, как со стороны языка, так и по содержанию.

Национализм в мусульманской неповременной печати 1910 года, помимо постоянных упоминаний о необходимости, желании и обязанности приносить пользу "миллят", выразился интересом к изданиям, касающимся изучения мусульманской и, в частности, тюркской и татарской истории, географии, поэзии и языка. Таковы издания: 1. "Казан тарихи" (*"История Казани"*), Гайнуллина Ахрамова, Казань, в 3,000 экз.; 2. "Таварих-ель-хуляфа" (*"История Халифов"*), Казань, в 8,500 экз.; 3. "Ахмед-Бай 1837-1906" (Жизнеописание известного мусульманского благотворителя, основателя нескольких медрес и мечетей), соч. Р. Фахрутдинова, Оренбург, в 2.000 экз.; 4. "Тарихи ислам" (*"История ислама за годы 132-656 гиджры"*), Мухаммеда Сулейманова, Казань, в 6,500 экз.; 5. "Тававрих замсаи шарки исминда" (*"Пять историй восточных народов"*), соч. имама Курбангалей Хамидова, Казань, в 1000 экз.; 6. Несколько выпусков сборника народных стихотворений (в один печатный лист), издававшихся в количестве 10.000 – 25.000 экземпляров каждый; 7. "О народной литературе" и "Уроки народной изящной литературы в мектебе", соч. Тукаева.

Пренебрежение к России в книгах для школьного чтения.

Наряду с горячим отношением к "нации", мусульманская повременная печать 1910 года по-прежнему обходила молчанием свою родину Россию, даже в учебниках. В книжках "для чтения в мектебах" Гаспринского ("Худжаи субъян"), часть 1-я и 2-я, Бахчисарай 1910 г.) находятся прекрасные теплые строки о родине, но эти строки, как видно из последующего, от-

носятся лишь к местам обитания татар в Крыму, а не ко всей России. В учебниках географии Россия описывается весьма кратко и сухо, и нигде не встречается ни намек на сознание необходимости воспитывать в учащихся патристическое чувство. Из учебных хрестоматий лишь в одной, "Книга для чтений" Х.Абузарова, находятся сухо изложенные статьи "Отечество" (79-80 стр.), "Наша земля" (стр. 80-81) и "Русское Царство" (84-85 стр.). Им предшествует статья "Мусульманлык" ("Мусульманство", стр. 91-92), где говорится об обязательности любви к братьям по вере, мусульманам, о необходимости взаимной помощи всех мусульман друг к другу ("Укыу китаби" Х.Абузарова, Казань, в 3.000 экз.).

Характерно в вышеуказанном отношении предисловие А.Тукаева к его, указанной выше, хрестоматии "Уроки национальной изящной литературы в мектебе". Здесь, между прочим, он разъясняет, какого плана держался в раннее изданной им учебной хрестоматии под заглавием "Новое чтение" ("Янга кыраат"), Казань, в 6.000 экз.). Статьями "Нового чтения" автор имел в виду возбудить в учащихся следующие чувства: 1. Любовь к Богу (статьи: "Природа и человек" и "Бог Всевышний и Препоблагословенный"), 2. Любовь к пророку ("Родной аул"); 3. Любовь к отцу и матери; 4. Любовь к родному языку и литературе ("Родной язык"); 5. Любовь к природе ("Ель", "Ветер и солнце", "Дождь и солнце"), 6. Любовь к труду ("Два плуга", "Работа", "Рассказ японца"); 7. Любовь к национальному и нации ("Леший", "Сегодняшний праздник", "Город Казань"). Другие издания для классного чтения в мектебах не расширяют этого круга задач, *нигде не упоминая о любви к отечеству и России.*

"Борьба "новых" со "старыми", по-видимому, весьма не равная: старые имеют мало сторонников среди мусульманской интеллигенции, литература в одной своей части всецело создана усилиями новых, а в другой, религиозно-

нравственной, в значительнейшей своей части уже подпала их влиянию. Но, в сущности, и влияние старых весьма велико: они действуют всем укладом установившейся жизни мусульман, они подавляют массой своих сторонников из среды простого народа, авторитетом слепого повиновения Корану и предписаниям в том их понимании, суеверном, рабском, без рассуждения, какое установилось в народе в течение сотен лет исповедания мусульманства. "Старые" держат новых строго в рамках религии и не прощают мусульманину рационалистических вольностей в исполнении требований того, что они вместе с народом считают истинной верой. И "новые" применяются к требованиям народа, насколько могут.

Шура (Оренбург),

Газета *Дин ва Магишат* (медведь) расшибает голову Исламу
Карикатура из *Молла Насреддина*, №47, 1909.

LIST OF MUSLIM PERIODICALS (1910)

Ary («The Bee»)

Azeri Turkic, Baku

1911-1912 (?)

Weekly, literary, illustrated

Leftist nationalist with socialist tendencies

Chief editors: Ali Mehmed Aliev and Dadash Bunyat Zade, member of the Hümmet Party, future chairman of the Sovnarkom of the RSS of Azerbaijan, liquidated in 1937 by Stalin.

Bayan ul-Haq («The Exposition of Truth»)

Kazan Tatar, Kazan

Weekly, daily after 1912, 1400 copies in 1910, 1300 in 1913

March 1906 – December 1914

Moderate *jadid*, loyal to the Russian monarchy but cautiously pro-Turkish, hostile to the revolutionaries (except between fall 1907 and March 1908 when it defended socialist positions under the influence of the Social Democrat Zarif Sadykov,

Chief editors: the Mohammedjan brothers (Kazan merchants), Alimjan Saydashev and S.Imanaev.

Among the regular contributors: Abdurrashid Ibragimov and Nejib Dumavi (leftist novelist).

Burhan-i Taraqqi («The Proof of Progress»)

Halfway between Kazan Tatar and Azeri Turkic, Astrakhan, publisher «Mizan».

Weekly, May 1906 – June 1910, circulation 500 copies (in 1910).

Radical nationalist, pan-Islamic, following the political line of Abdurrashid Ibragimov, specialised in polemics against Orthodox missionaries.

Owner: Mustafa Ismailov Shirvanskii
Chief editor: Nejb Asri Mevleberdiev

Din ve Magishat («Faith and Life»)

Archaic Kazan Tatar, strongly influenced by Chagatay, Orenburg.

31 December 1906 - February 1917, Weekly journal, 14 pages average, circulation: 800 copies (1910)

Ultra-conservative, religious, the only Tatar periodical to defend Qadymist ideology openly; strongly hostile to the *jadids* and submissive to the Russian authorities

Owner: Mohammed Veli Huseinov, a wealthy merchant
Chief editors: the mullahs Zeinullah Hairullin and Faizkhan Daudov.

Günesh («The Sun»)

Azeri Turkic, Baku

September 1910 – January 1911, suspended by the authorities; Weekly, daily after 3 October 1910; circulation: 200 copies (1910)

Nationalist, right-wing socialist, pan-Turkic, reflecting the political line of the Musavat party

Owners: the Oruj brothers

Chief editors: Uzeir bey Hajibeyli (musician, the author of the first Turkic opera) and Mehmet Emin Rasul Zade, the future leader of the Musavat party and the future president of the independent republic of Azerbaijan.

Günesh was successor to *Hagigat* (1909 – September 1910) in Baku and was followed by several periodicals published by the same owners with the same editorial board, all suspended by the authorities: *Yeni Hagigat*, (January 1911 – March 1911, total of 19 issues), *Asar-i Hagigat* (1911, few issues), *Hagigat-i Efkar*

(few issues), *Igbal* (March 1913 – April 1915) and *Yeni Igbal* (April 1915 – February 1917).

Hagaig («Truths»)

Persian, Baku, from press of the newspaper *Kaspîi*

1906 – probably 1914, monthly

No political line clearly expressed, published for the benefit of the Iranian colony in Baku, interest focused on Iran; cautiously hostile to the Qajar dynasty

Owner and chief editor: Ali Mohammed Khan Oveisi.

Hilal («Crescent Moon»)

Azeri Turkic, Baku

January 1910, closed by the authorities after its fourth issue; weekly, literary

Radical nationalist

Owner and chief editor: the poet Ali Abbas Muttalib Zade (pseudonym «Müzniб»).

Idil («Volga»)

Kazan Tatar, Astrakhan, «Omerov» press, Weekly

1907–27 January 1914, closed by the authorities

Radical *jadid* with socialist sympathies

Chief editors: Mullah Abdurrahman Omerov (owner) and Zahi-dullah Sherifullin

Regular contributors: A. Basiri, Q. Kulatki, the poet Sait Ramiev (Social-Revolutionary).

Iqtisad («Economy»)

Kazan Tatar, Samara, «Husein Kerimov» press

15 September 1908 – Fall 1914, monthly; economic, commercial, agricultural and industrial, average 32 pages.

No marked political orientation

Owner and chief editor: *Imam-khatib* Mohammed Fatyh Mur-tazin.

Mazher («The Scene»)

Azeri Turkic, Baku

1909-1910 (a few issues), weekly

No clear political orientation

Owner and chief editor: Kamil Unsi Zade.

Mejmu'a-i Maverai-Bakhr-i Khazar – Zakaspiiskaia Tuzemnaia Gazeta («The Journal of the Transcaspien»)

Turkmen and Persian (title in Russian), Ashkhabad

1905-1917 (?); weekly; in 1915 the title changed to *Ruzname-i Maverai-Bakhr-i Khazar* (weekly).

Official organ of the Russian administration

Owner: Sayid Mehdi Kasymov (Volga Tatar); in 1915: Tsvetkov and Beliaev (Russians).

Molla Nasreddin

Azeri Turkic, Tiflis, «Bykov» press

April 1906 – 1917. In 1921 (6 February to 4 May), the journal reappeared in Tabriz (8 issues total). Between 22 November 1922 and 7 January 1931 it was published in Baku (372 issues) and finally was replaced by *Allahsyz* («The Godless»).

Weekly illustrated, satirical, one of the most popular Muslim journals, circulation 4000 copies in 1909, much read in Iranian Azerbaijan and even in Turkey.

Left-wing nationalist with strong socialist tendencies

Owner and chief editor: Jalil Mamed Kuli (writer), replaced in 1911-1912 by Mamedali Safarov and after 1912 by the poet Ali Kuli Najaf oglu (pseudonym «Gamgüsar»). In Tabriz and in Baku, Jalil Mamed Kuli Zade became once more owner and chief editor.

Among the regular contributors, all the best Azeri leftist and liberal writers: the poet Alekper Sabir, Ali Nazmi, Abdurrahim bey Ahverdov, Ömer Faik Numan Zade (deputy chief editor), Mamed Said Ordubady, and the leaders of the Hümmet party: M.A. Azizbekov, N. Narimanov.

Nejat («Salvation»)

Osmanly Turkish, with few articles in Russian, Baku
September 1910-1912; weekly, daily after September 1911, political, literary, published by the «*Nejat*» Cultural Association Nationalist, and pan-Islamic but with socialist articles (signed A. Ahundov)

Owner and chief editor: Isa bey Ashurbeyli, a Baku millionaire who a few years before had published the Marxist *Hümmetist Koch-Devet* (Azeri and Armenian) and the pan-Turkic *Irshad*.

Nur («Light»)

Archaic Kazan Tatar close to Chagatay; St. Petersburg

Chronologically the first periodical in Kazan Tatar

September 1904-1914; daily

Moderately conservative, monarchist (loyal to the Russian monarchy), reflecting the ideology of the right wing of the *jadid* movement

Owner and chief editor: Ataullah Bayazitov, theologian and military *akhund* of the garrison of St. Petersburg.

Qazan Mukhbire («Kazan Messenger»)

Kazan Tatar, Kazan

29 October 1905 – 22 October 1910; daily, 404 issues total, circulation 500 copies (1910)

Moderate *jadid*, religious, pan-Turkic, nationalist; close to the K.D. line

Owner and chief editor: Sayid Giray Mirza Alkin (member of the Central Committee of the *Ittifaq al-Muslimin*); deputy chief editor: Ismail Ramiev

Regular contributors: Yusuf Akchura, Burhan Sheref, Ali Asker Kemal, Ayyaz Ishaki, Majid Gafuri

Sada («The Voice»)

Azeri Turkic, Baku

Late 1909-1911 (395 issues), suspended by the authorities; daily; circulation 1500 copies

Moderate jadid, cautiously nationalist, pan-Turkic
Owner and chief editor: Hashim bey Vezirov, publicist and politician (brother-in-law of Ahmed Aga oglu)
Sada succeeded *Ittifaq* (1908-1909) and *Tazä Häyat* (1907-1908) (Baku), both supported by the industrialist Zeinul-Abdin Tagiev. After its suspension, *Sada* was followed by several periodicals published by the same Hashim Vezirov, all rapidly closed by the authorities: *Sada-i Vatan* (1911-1912), *Sada-i Hag* (1912) and *Sada-i Qafqaz* (1914-1916).

Shura («Council»)

Kazan Tatar, Orenburg

10 January 1908 – January 1918, closed by the Orenburg Revkom

Nationalist, jadid; the most influential of all Tatar journals

Same political orientation and the same editorial staff as *Vaqt* of Orenburg (see *Vaqt*)

Editor: the theologian Rizaeddin Fahreddin oğlu.

Terjüman («Interpreter»)

Modified Crimean Tatar, pan-Turkic language devised by Ismail Gaspraly, bi-lingual (Tatar and Russian) in the beginning, all Tatar after 1905

18 April 1883 – February 1918, Baghchesaray

Bi-monthly in the beginning, weekly since 1903, bi- and three-weekly in 1907, daily after 1912; the best and the greatest of all Muslim periodicals of Russia; the leading intellectual organ of the *jadid* movement. In 1885, 1000 subscribers (300 in Crimea, 300 in the Middle Volga-Urals, 150 in Daghestan, 50 in Siberia, 200 in Central Asia), 5000 copies in 1907; 5000 regular subscribers in 1910 (many abroad: Egypt, India, Ottoman Empire, Iran, Maghreb...); excellent financial position (the *Terjüman* was subsidised by several wealthy industrialists including the Ramiev brothers in Orenburg and Zein ul-Abdin Tagiev in Baku).

Owner and chief editor: Ismail bey Gaspraly, «the father of ja-

didism»; assistant editors: Ismail Arabskii, Kengerli and Mehmet Ibrahimov

Regular contributors: all the best intellectuals of Russian Islam and of the Ottoman Empire.

Türkistan Vilayetining Gazeti – Turkestanskaia Tuzemnaia Gazeta («The Journal of the Turkestan Region»)

Literary Uzbek, closer to the literary Chagatay than to vernacular Uzbek, Tashkent, press of the General Government Administration

January 1870-1917; the oldest periodical in a «Muslim» language in Russia. In 1870-1971, two editions (Kazakh and Uzbek); in 1870 appeared as a monthly supplement to the Russian journal *Turkestanskie Vedomosti* of Tashkent; in late 1871, four times a month with 2 editions in Uzbek and 2 in Kazakh; from 30 January 1883, weekly in Uzbek alone; from 1885 to 1901, the Uzbek text translated into Russian. Circulation 1800 copies (1910)

Official organ of the Russian administration, conservative, hostile to jadidism

Chief editors 1870-1883: Shahmardan Ibragimov and H. Chanyshv (Volga Tatars), replaced in 1883 by the missionary orientalist, Nicolas Ostroumov.

Vaqt («Time»)

Kazan Tatar, Orenburg; the most famous and influential of all Kazan Tatar dailies

21 February 1906 – 26 January 1918, closed by the Orenburg Revkom; daily; circulation 3600 copies (in 1910)

Jadid, nationalist, followed the general line of the *Terjüman*, but slightly more radical

Owners: Shakir and Zakir Ramiev, industrialists

Chief editor: Fatyh Kerimi, after November 1917: Jarullah Veli

Editorial board: Rizaeddin Fahreddin oğlu (theologian), Zakir

Ramiev, Buhran Sheref, Abdurrahman Fahreddin, Osman Aq-choqraqly (Crimean Tatar, historian), Reqib Reqibi
Regular contributors: all the best *jadid* writers and political leaders, including Yusuf Akchura, Jemaleddin Validov, Ahmed Zeki Validov (Togan), Musa Jarullah Bigi (Tatar theologian), Sherif Kemal, etc.

Yalt-Yult («Lightning»)

Kazan Tatar, Kazan, «Umid» press, later «Haritonov»

15 March 1910 – February 1917, bi-monthly, satirical, illustrated, 16 pages, circulation: 920 to 1200 copies (1910)

Radical nationalist, pan-Islamic, anti-Qadymist, with strong socialist sympathies

Owner: the librarian Ahmed Urmanchiev

Regular contributors: all the radical and progressive Tatar writes, including Fatyh Amirhan, Ali Kemal, Abdullah Tukay.

Yeni Füyüzat («New Abundance»)

Azeri Turkic, Baku

Late 1910 – March 1911, closed by the authorities for «pan-Islamic agitation»

Weekly, illustrated, succeeded *Füyüzat* of Baku

Chief editor: Ali Pasha Husein Zade (November 1906 – December 1907).

Yoldyz («Star»)

Kazan Tatar with strong influence of Osmanly Turkish, Kazan, «Umid» press

15 January 1906 – October 1917, interrupted from January 1916 to February 1917, daily; circulation: 2400 copies (1910)

Jadid, nationalist, pan-Turkic, moderate, close to the *Terjüman*
Owner and chief editor: Ahmed Hadi Maksudi (pedagogue and historian)

Regular contributors: Ibrahim Bikqulov (mullah-mudarris), Mubaraq-Shah Fahreddinov (mullah), Ahmet-Sherif Bimetov

(mullah-mudarris), Abdullah Battal (historian), Hadi Atlasy (historian), Ahmed Zeki Validov (historian), Abdullah Haris (poet) and the future Bolsheviks: Ali Asker Kemal, Majid Gafuri and Galimjan Ibragimov (historian and novelist).

Zenbur («The Bee»)

Azeri Turkic, Baku

1909-1910, 28 issues total, suspended by the authorities; circulation: 1500 copies

Weekly, satirical, illustrated

Nationalist, pan-Turkic, very critical of the Russian administration

Owner: Dr. Abdul Haliq Ahundov;

Chief editors: Murtaza Palavanarov and Ali Asket Aliev (who in 1917 joined the Communist Party).

Our report does not list all the Muslim periodicals published in 1910 in the Russian Empire. To our knowledge there were at least nine other titles, three in Kazan Tatar, three in Crimean Tatar and three in Azeri Turkic. Three were published in Baghchesaray, three in Baku, one in Ufa, one in Astrakhan and one in Orenburg:

Alem-i Nisvan («Women's World»)

Crimean Tatar, Baghchesaray, the *Terjüman* press

1906-1910, weekly, illustrated, for women; offered as a supplement of the *Terjüman*

Followed closely the general line of the *Terjüman*

Chief editor: Shefika hanym Gaspraly (the daughter of Ismail bey Gaspraly).

Alem-i Sibyan («Children's World»)

Crimean Tatar, Baghchesaray. the *Terjüman* press.

March 1906-1915, weekly, illustrated, for children, offered as a supplement to the *Terjüman*
Chief editor and owner: Ismail bey Gaspraly.

Chukych («Hammer»)
Kazan Tatar, Orenburg, «Kerimov and Huseinov» press
20 June 1906 – January 1910, closed by the authorities
Weekly, illustrated, satirical; radical *jadid*
Owner and chief editor: Temir-Shah Soloviev.

Hagigat («Truth»)
Azeri Turkic, Baku
Late 1909 – September 1910, closed by the authorities
Nationalist, pan-Turkic
Chief editor: Uzeir bey Hajibeyli.

Magarif («Knowledge»)
Kazan Tatar, Astrakhan, «Omerov» press
16 January 1909 – April 1910
Bi-monthly, religious, conservative (qadymist)
Owner and chief editor: Mohammed Sadyq Rahimqulov and the Mullah Abdurrahman Galiev.

Maglumat-i Mahkeme-i Shari'ye-i Orenburgiye (Information of the Shari'yat Court of Orenburg)
Kazan Tatar, Ufa, «Sharq» press
February 1908 – February 1917
Monthly, illustrated, 22 pages; official organ of the Muslim Spiritual Assembly of Orenburg (headquarters in Ufa)
Conservative, loyal to the Russian monarchy, hostile to the *jadids*;
Chief editor: Imam Mohammed Sabir al-Hasani, Deputy Chief editor, the mullah historian Hasan Ataullah Abashi.

Millet («Nation»)
Crimean Tatar, Baghchesaray, the *Terjüman* press.
1906-1915, daily

Jadid, same political line as the *Terjüman*, but slightly more «progressive»

Owner: Ismail bey Gaspraly

Chief editor: Hasan Sabri Ayvaz(ov).

Mirat («Mirror»)

Azeri Turkic, Baku

June 1910, suspended by the authorities after its first issue; succeeded *Shahab-i Sagib*; weekly, literary

Owner and chief editor: Ali Abbas Muttalib Zade.

Shahab-i Sagib («Shooting Star»)

Azeri Turkic, Baku; weekly, spring 1910 – June 1910; closed by the authorities. First of the series of literary satirical papers published by the poet Ali Abbas Muttalib Zade; replaced by *Mirat*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ахмедов, Азиз-Мир. «Molla Nasreddin Jurnalynyng jaylmasy vä tä'siri hagynnda». Известия Академии Наук Азерб. ССР, Баку, № 1, 1958.

Ахундов, Назим. «Molla Nasreddin jurnalynyn nәshri тарихи», Баку, Azernәshr, 1959.

Ахундов, Назим. «Molla Nasreddin jurnalі Sovet hakimiyeti illerinde». Azerbaycan, Ankara, no. 4, 1956, p. 138-146.

Ашмарин, Николай. "Несколько слов о современной литературе казанских татар". Журнал Министерства Народного Просвещения, С. Петербург, т. 361, № 5, 1905.

Авшарова М.П. *Русская периодическая печать в Туркестане (1870-1917)*. Ташкент, 1960.

Azerbajdjan matbu'atynyn elli jylligi. Ekinци, Баку, 1926.

Azeri matbu'atinin mukhtaser тарихçesi. Yeni Qafqasija, Istanbul, I. III, no. 9, p. 5-8.

Bennigsen, Alexandre. «Molla Nasreddin et la presse satirique musulmane de Russie avant 1917». *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, Paris, III, 3, Juil. Sept. 1962, pp. 505-520.

Bennigsen, Alexandre, Lemerrier-Quelquejой Chantal. *La Presse*

et le Mouvement National chez les Musulmans de Russie avant 1920. Paris - Le Haye, 1964.

Библиографический указатель печати Казахской ССР. (1917 – 1939). Алма-Ата, 1941.

Большевистская партийная печать. Март – ноябрь 1917. Москва, Госполитиздат, Институт марксизма-ленинизма, 1957.

Боровков, А.К. *Узбекский литературный язык в период 1905-1917 г.г.* Ташкент, 1940.

Богословский, Е. *Бакинская печать после 17 октября 1905 года по июль 1907.* Баку, 1907.

Bouvat A. «La Presse Musulmane de Russie», *Revue du Monde Musulman*, nov.-dec. 1906, no 1, fasc. 1-2, pp. 125-129 et 283-284.

Елиф Би. *Из татарской мусульманской печати.* Казанский Телграф, № 4539, 4575, 4578, Казань 1908.

Ениколопов. *Первая тюркская газета на Кавказе. Культура и письменность Востока.* Баку, 1928, т. 3, стр. 140-146.

Фетисов, М.И. *Зарождение Казахской публицистики.* Алма-Ата, 1961.

Гайнуллин, М. *Татарская литература и публицистика начала XX века.* Казань, 1966.

Гинлейн, Е.Р. *Каталог газет и журналов по всем отраслям литературы, выходящих в России на русском и других языках в 1903 г.* СПб, 1902.

Гинлейн. Е.Р. *Список современных изданий в России*. СПб, 1900, второе издание 1903.

Hajibeyli, Jeyhun Bey, «The Origins of the National Press in Azerbaydjan». *The Asiatic Review*, London, 1930, v. XXVI, fasc. 88, pp. 757-765; v. XXVII, fasc. 90, pp. 349-359; fasc. 91, pp. 552-557.

Hilmi, Abdulhakim. *Matbuat tarihimizda dair*. Ana Jurt. Akmes-cit (Simferopol) 1943, no 1, pp. 9-13; no 2, pp. 6-7.

Кляшторина, В. "Журнал "Молла Насреддин" и персидская политическая сатира периода революции 1905-1911 г.г." *Краткие сообщения Института Востоковедения*, Москва, т. XXVII 1958, стр. 31-41.

Корбут, М. "Проект первой татарской газеты". *Вестник научного общества татароведения*, Казань, т. 5, 1926, стр. 106-131.

Летопись повременной печати. С. Петербург, 1908 до 1917 г.

Лисовский, Н.М. *Русская периодическая печать 1703-1900*. Петроград, 1915, 2Т.

Магомедов, Ш.М. "Кумыкская периодическая печать в 1917 – 1918 годах". *Труды Института Истории Партии при Дагестанском обкоме КПСС*, Махачкала, т. 2, 1958, стр. 3-21.

Михайлидис, Н. "Строительство партийно-советской печати в Туркестане в первые годы советской власти". *Вестник Московского университета*, серия 7, Филологический журнал, № 6, ноябрь - декабрь 1962, стр. 20-34.

Михайлов. "Национальная печать Туркмении". *Революция и национальности*, Москва, 1931, №4, стр. 99-105.

Насыров, Т. «Sovet vlastenin berence jyllarynda tatar vaqytly matbugaty.» *Sovet Adabiaty*, Kazan, no 9, 1956.

Quelquejay, Chantal. «La presse périodique musulmane de Russie avant 1920.» *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. Paris, III, 1, janv.-mars 1962, pp. 140-165.

Рамиев, Исмаил. *Vaqytly Tatar matbugaty*. Kazan, 1926.

Сафаров, А. "З історії татарської періодичної преси 1905-1925". *Східний світ*, Харків, 1928, № 3-4, стр. 212-215.

Список повременных изданий, выходящих в России в 1916 году. Петроград, 1916.

Шахгелдиев, А.Г. "Легальная большевистская газета Текам-мюл". *Бакинский Рабочий*, Баку, 29 дек. 1957.

Шариф, А. "50 лет со дня основания журнала *Молла Насреддин*". *Краткие сообщения Института Востоковедения*, Москва. Т. 28, 1959, стр. 23-30.

Торопов, А.Д. *Список повременных изданий выходящих на свет в 1908 году*. С. Петербург, 1909.

Вольфсон, И.В. *Газетный мир*. 1-е изд. С. Петербург, 1910. 2-е издание С.Петербург, 1912.

Зейналов, А.П. «Keshkül jurnaly və gâzetin nâshri tarikhinde.» *Известия Академии Наук Азербайджанской ССР, Серия общественных наук.*, Баку, 1959, № 1, стр. 75-87.

Чабров, Г.Н. "Из истории полиграфии и издательства литературы на местных языках в дореволюционном Туркестане". *Труды С.А.Г.У.*, серия исторических наук, т.57, №7, стр. 77-95, Ташкент, 1954.

Чернышев, Е.Ж. "Восточная печать в эпоху реакции XX века". *Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского университета*, т. 33, №1, стр. 105-130, Казань, 1925.

Жуже, П. "Мусульманская печать в России". С. Петербург, 1911.

Жванин, Г. *Большевистская печать Закавказья накануне и в период первой русской революции*. Тбилиси, 1958.

Сандов, Зия. *Uzbek Vaqytly Matbu'aty Tarikhinge Materialar*. Ташкент - Самарканд, 1927.

بهاسی:	Яль Юль 2-й годъ. изд.	ГОЛДЕНАЯ ЯВНА:
۲۴ نوڤبرگه ۳ سوم	يالط يولط	На 1 г. 3 р
۱۲ " ۱۵۰ نين		= 3/4 г. 1 р. 50 к.
۶ " ۱ سوم		= 1/4 г. 1 р.
☞☛		Адресъ: Казань, ред. „ЯЛТЬ-ЮЛТЬ“.
		☞☛

СОДЕРЖАНИЕ

The Muslim press in Russia before the Revolution	5
I. Современные тенденции в татарской печати	15
II. Общие сведения о периодической татарской печати	30
III. Произведения неповременной мусульманской печати в 1910 г.	78
List of Muslim periodicals (1910).	85
Библиография.	98

